

Княгиня В. Д. ЛОБАНОВА-РОСТОВСКАЯ

О российской трагедии XX века. До и после 1917 года: Воспоминания матери (1903-1935).

Вступление профессора Екатерины Федоровой. Комментарии
Л.Г. Умновой и Е.С. Федоровой¹

Журнал «Берега» пользуется честью впервые представить на русском языке первый фрагмент² из задуманной серии публикаций книги «О РОССИЙСКОЙ ТРАГЕДИИ XX ВЕКА. ДО И ПОСЛЕ 1917 ГОДА: ВОСПОМИНАНИЯ МАТЕРИ (1903-1919)».

Это воспоминания княгини Веры Дмитриевны Лобановой-Ростовской (1870-1943), урождённой Калиновской – бабушки известного общественного деятеля, коллекционера, мецената Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского. Ранее текст никогда не был опубликован на русском языке.

Впервые воспоминания увидели свет на болгарском языке в Болгарии, в Софии, под вымышленным именем Наталия Артамоновна Захарина, озаглавленные «Рассказы матери. Пережитые испытания» (Княгиня Наталья Захарина. Разкази на една майка, преживяна действителност / Пер. с рус. София, 1936–1937).

Вера Дмитриевна Лобанова-Ростовская, София

ВСТУПЛЕНИЕ

Повествование охватывает пятнадцатилетний период перед Октябрьским переворотом до вынужденного бегства семьи от большевиков на исходе 1919 года. Подробно описана жизнь семьи в имении, быт российских помещиков; надвигающиеся предчувствия неотвратимого, подтверждаемые предсказаниями Оптинских и Лаврских старцев, а также духовных писателей, с которыми у автора происходит интенсивное общение; постепенно усиливающиеся невзгоды семьи в связи с появлением новой власти – разорение имения, угрозы, несправедливость по отношению ко всем представителям их круга,

¹ Берега, Калининград, № 2 (26), 2018, апрель.

² Публикатор Н.Д. Лобанов-Ростовский. Примечания к фрагменту Л.Г. Умновой и Е.С. Фёдоровой. Выражаем сердечную признательность Л.Г. Умновой за помощь в комментариях к реалиям описываемой эпохи.

недоброжелательство, болезни, аресты близких. «Жизнь начиналась и нелепая, и странная, и неудобная. Привыкнуть к ней было невозможно», – пишет Вера Дмитриевна (гл. 14).

Всё это заставляет прийти к единственному решению, которое бы позволило физически выжить домашним – к побегу. Главным инициатором его является Вера Дмитриевна. В долгом пути на чужбину семью вновь ожидают опасности, тюрьмы и лишения. В конце его Лобановы-Ростовские попадают в Болгарию. Летопись семьи почти через девяносто лет продолжил (и совершенствует замысел в разных монографиях и периодических публикациях) их внук, Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский: «... вскоре после революции им удалось переехать в Одессу... Ещё до войны 1914 г., старшая сестра моего отца, Ольга Ивановна, уехала учиться в Швейцарию. В 1919 г. у неё созрел план отправиться в Советскую Россию и вывезти семью».

В почти невероятном плане спасения Ольге Ивановне помог румынский морской капитан Константин Улик, за которого позже она вышла замуж. «Самое удивительное, что Ольге удалось перевезти всю семью... Потомки Рюриковичей, князья Лобановы внешне очень похожи на татар. Оделись крестьянами, загрузили вещи в телегу и отправились в путь»³.

Более трех лет уходит на то, чтобы прийти в себя и осмыслить случившееся с семьёй русских князей, ставших эмигрантами. Автор сама называет точные даты начала описываемых событий и начала написания романа: «у меня явилась потребность, после нахлынувших воспоминаний, сегодня же, *ноябрьской ночью 1923 года*, начать собирать весь имеющийся у меня материал и соединить его воедино. Итак, перенесёмся к *середине сентября 1903 года* в Петербург».

Почти 12 лет уходит на то, чтобы переработать разного рода частные записи в целостное произведение, не допускающее никакого вымысла, однако получившее в результате ясную структуру, и, следовательно, автор продуманно использовала некоторые художественные приёмы, касающиеся не самого материала, но его организации. Роман публикуется в эмиграции, в Софии, на болгарском языке на рубеже 1936-37 гг. Крестный путь русских князей на чужбине, увы, не окончен.

Времена эмиграции не остановили страданий и испытаний в семье Рюриковичей. Апостол Павел говорил в Послании к Коринфянам: *верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так что вы могли бы перенести* (1 Кор. 10, 13). Какова же была дана сила этой женщине, переносившей один удар за ударом, и нашедшей в себе внутреннюю опору, чтобы оставить людям письменное свидетельство российских бед! Так, в 1921 г. погиб сын Веры

³ Эпоха. Судьба, Коллекция. М., Русский путь, с. 10.

Дмитриевны Никита Иванович, в 1932 г. – другой сын, Иван Иванович. Вера Дмитриевна покинула этот мир в 1943 году, не узнав об аресте семьи её сына Дмитрия Ивановича, который вместе с невесткой Ириной Васильевной и 11-летним внуком Никитой оказались в тюрьме, прошли свой, уготованный им путь мытарств. Не узнала о неудавшемся им побеге; расстреле Дмитрия Ивановича, о жуткой судьбе в лагере сына Николая Ивановича. Об этом рассказал её внук в уже упомянутой книге, а также в двух других⁴...

Необходимость псевдонима, придуманного для публикации романа, а также имён большинства персонажей, продиктована вовсе не требованиями этики той среды, к которой принадлежала Вера Дмитриевна, как можно было бы подумать. Псевдоним взят по необходимости. И выдуманные наименования большинства действующих лиц – не художественный приём: не навредить себе и другим в ту эпоху, когда волна репрессий могла накрыть не только живущих в «Совдепии», как называет страну Советов автор, но и уцелевших эмигрантов. За многими условными именами – по самой принадлежности русскому аристократическому кругу – скрываются лица, бывшие в своё время на слуху. Ныне так или иначе они должны быть вписанными в «русские летописи Перелома эпох». Некоторые имена, особенно это касается старцев, священников, монахинь, – сохранены. К сожалению, вовсе не все вымышленные персонажи поддаются дешифровке. Публикатор, Н.Д. Лобанов-Ростовский, восстанавливает подлинные имена детей Веры Дмитриевны. А вот, например, понять, какая именно из сестёр князя Ивана Николаевича Лобанова-Ростовского, мужа писательницы, скрыта под именем «Дашеньки» или «Сони» можно только с определённой долей вероятности. И это обидно. Ведь речь идёт о «свите Великой княгини Елизаветы Фёдоровны», фрейлинами которой были сёстры Александра Николаевна, и Любовь Николаевна, и двоюродная сестра Людмила Григорьевна Лобановы-Ростовские. Конечно, любая деталь обихода, каждодневные события, связанные с этой великой личностью, были бы драгоценным свидетельством. Эта «туманность» ещё раз свидетельствует: в истории России столетней давности до сих пор остаются серьёзные лакуны. Их «стягиванию», «суживанию», помимо других бесспорных достоинств, служит предлагаемый ныне текст.

Другой важнейший круг воспоминаний – духовные руководители и старцы. Свекровь Веры Дмитриевны была духовным чадом преподобного Амвросия Оптинского. На страницах рукописи мы узнаём реальных лиц, выведенных под своими подлинными именами, так или иначе близких к Оптиной пустыни: схиархимандрит Венедикт (Дьяконов), схиархимандриты преподобный Варсонофий и старец Зосима,

⁴ «Рюрикович в эмиграции», М. 2015, «Рюрикович в XXI веке», М., 2017.

священноисповедник⁵ Георгий (Егор) Чекряковский. Драгоценны тщательно выписанные конкретные эпизоды, в форме диалогов подробно рисующие наставления, весь строй монастырского обихода и манеру общаться с людьми, обращающимися к ним за помощью. Однако неведомым остаётся подлинное имя «Болящего Иоанна», жившего в Крестовоздвиженской женской обители Нижнего Новгорода. Хотя по всему видно, что имя этого старца в своё время было весьма известно и почитаемо. И тут тоже до сих пор «исторический обрыв» – дорога к некоторым лицам российской духовной истории только открывается свидетельством книги «О российской трагедии».

СТРУКТУРА РОМАНА И СТРОГАЯ ДОКУМЕНТАЛЬНОСТЬ

Скромность и конкретность авторского названия задают и тон повествования. Вера Дмитриевна строго следует: «письмам, дневникам и заметкам о прошлом» (*Пролог*).

Своевременно зафиксированные каждодневные события предстают, видимо, в своём почти первозданном виде. Это показывает сам текст, где предпочтение отдаётся диалогам, передаются характерные черты речи разных сословий, упоминаются столь точные детали быта, которые «поздняя память» в предложенном автором изобилии сохранить никак не могла бы. Однако автор называет сочинение «романом», и совершенно справедливо. В том смысле, что ею лепится свод целостного произведения, соотносится гармония частей в единой структуре. Задача автора: «собрать воедино... то, подчёркнуто в памяти, то, что оставило след на всю последующую жизнь, то, что было темой многих дум и многих чувств». Материалом являются строго действительные события и реальные персонажи, однако эпизоды романа подчинены не только структуре текста, но общей идее произведения. Внутри романа заложена драматургическая пружина. Повествование «отталкивается» от горьких личных испытаний, ступень за ступенью расширяя их «кругозор» – испытания семьи – ближнего круга – людей самого разного происхождения, вероисповедания, национальности. И в финале «семейная хроника» – в силу естественного развития – приобретает явственное общественное звучание. И это тот художественный приём, который позволяет себе автор, поскольку он совпадает с ходом событий в конкретной семье на фоне российской катастрофы. Высоко взятая трагическая нота – смерть маленького сына – оказывается первым, личным этапом мытарств. Далее следуют постепенное и потому особенно мучительное разорение фамильного гнезда, лишения и испытания семьи; тяготы друзей, знакомых; наконец,

⁵ Священноисповедник – причисленный к лику святых священнослужитель, открыто исповедующий христианскую веру во время гонений и сам гонимый, но не претерпевший мученической смерти.

напасти у людей её круга и сословия. Вступающие один за другим «голоса» создают в конце трагическую многоголосную коду – невзгоды, злключения и взаимное озлобление людей в России, затянутых стихией общего краха.

Итак, мы можем отнести новый роман к жанру «романов-эпопей». Или вернее к жанру «мини-эпопей», учитывая семейную доминанту – в целом, камерный характер повествования. Написанный женской рукой, он, бесспорно, сквозь призму женского видения передаёт страдания России на «переломе эпох». Активная роль свидетельницы событий в романе предрешена самим их ходом: «В то время, опасаясь за судьбу мужчин, все вопросы женщины старались решать сами» (гл. 14).

Таким образом, автор оказывается одновременно и героиней романа. Завершив чтение, мы понимаем, что при всей скромности отношения к себе, именно её действенные усилия спасают семью. Один из персонажей романа говорит: «Смелым Бог владеет» (гл. 16). Это без оговорок может быть отнесено к личности Веры Дмитриевны.

В этом отношении роман, на наш взгляд, сравним разве что с крупным и трагическим произведением внучки прославленного композитора Ирины Владимировны Головкиной (Римской-Корсаковой) «Побеждённые» (ныне публикуемого под названием «Лебединая песнь»). Полагаю, и роману княгини Лобановой-Ростовской тоже предстоит долгая жизнь. Следует оговориться: если подыскивать определение этому жанру, с долей условности можно было бы назвать его *документальным романом*, в силу того, что персонажи и события не являются плодом вымысла. Одновременно текст не перестаёт существовать – то есть восприниматься – и как личные воспоминания частного лица – *мемуары*. Ну что ж, симбиоз различных жанров – явление нередкое в литературе рубежа эпох. Его диктовал сам характер времени, когда перед захватывающими «сюжетами» реальных событий бледнели события, измышлённые художественным воображением. То же, но имея ввиду более существенную литературную переработанность жизненных впечатлений, можно сказать и о романе Головкиной «Побеждённые»; личные впечатления и мемуарная компонента, безусловно, составляют фундамент и в романе Берберовой «Железная женщина».

Нельзя сказать, что за прошедшие ближайшие десятилетия в России не появлялось бы найденных, впервые опубликованных интереснейших свидетельств «разлома России», принадлежащих перу верующих, духовно настроенных лиц, среди которых и аристократы⁶. Однако следует

⁶ См. напр.: Татьяна Мельник-Боткина. Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина. СПб., «Царское дело», 2016 / Перевод с франц.; Баронесса М.Ф. Мейендорф. Воспоминания, М., Сретенский монастырь, 2017; Игуменья Таисия (Солопова). Автобиографические записки. Беседы с отцом Иоанном Кронштадтским. М.: Отчий дом, 2006; Александра Нарцизова. Письма о путешествиях с отцом Иоанном

признать, что и сегодня их «историческая пропорция» остаётся явно нарушенной по отношению к морю изданных-переизданных мемуаров и исторических романов победившей в октябрьском перевороте стороны.

Проживя жизнь в миру, бывая в свете, будучи матерью семерых детей, Вера Дмитриевна по складу своему, в определенный момент стала «чувствовать себя скорее монахиною, чем мирскою, каковой я, однако, и была по внешним условиям моей жизни».

Привычка к сосредоточенному анализу своих помыслов, годами выработанный контроль над собой не позволяют её перу сочинять лишнее, не соответствующее её представлениям о ходе событий, сущности и поступках людей. По крайней мере, таков её настрой и стремление следовать документальности датированных записей. Помимо того, она в прошлом хозяйка большого имения, хозяйка-женщина-мать-жена-сестра в самом широком понимании смысла этих неразрывных понятий, хорошо знающая разные стороны устройства жизни, устройства человеческой натуры, не потерявшая зоркости зрения на события и людей. Личная жизнь её, видимо, складывалась благополучным для неё образом, поскольку муж – князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский по религиозному складу соответствовал своей супруге. По воспоминаниям внука, и в старости, после всех потерь и трагедий, православие оставалось опорой и стержнем его личности⁷.

Честность пера, верность увиденному, а также колоссальный объём испытаний, опыт горести и делают заявленный роман как «семейный» и эпохальный.

Это вовсе не означает, что автор стремится к всеобъемлющей объективности. Напротив, явственно показывает, что принадлежит определённой эпохе, социальному кругу, поколению, и исповедует его ценности. Она всецело на стороне Белых, она – с «той» стороны – из «Белого стана».

Разумеется, при всей нелюбви к большевикам, но оставаясь последовательной в установке – запечатлеть событие, фиксированное дневником, она вдумчиво следует рисунку сложных хитросплетений жизни, не стремясь спрямлять углы. В повествовании и «красные», бывало, являют «человеческое лицо», а «белые», например, демонстрируют явную зависть. Законченные внутри себя, как бы «самодостаточные» эпизоды (главы) не представляют собой разрозненные фрагменты бытия, к чему так

Кронштадтским // Рядом с Батюшкой. Воспоминания духовных чад о св. прав. Иоанне Кронштадтском. М.: Отчий дом, 2012; *Екатерина Духонина*. Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский (Дневник духовной дочери) // Там же; *Монахиня Серафима (Булгакова)*. Воспоминания // Преподобный Серафим Саровский и Дивеевская обитель. М.: Отчий дом, 2011; *Арцыбушев А.П.* Милосердия двери. М.: Никея, 2014 и др.

⁷ См. Эпоха... с. 10.

тяготеет современная проза. (И потому, заметим в скобках, прозаикам сегодняшнего дня так редко получается создать финал романа).

Лобановой-Ростовской удаётся дать сквозную линию развития идеи романа, при этом выстроив сложные, не прямолинейные, косвенные логические связи событий. На этом основании роман княгини Лобановой-Ростовской нами осмысливается принципиально *крупной формой*, во всей её цельности, а не «видимостью» романа, внутри которого «повести, скреплённые общей идеей».

А финал здесь «открытый», то есть формально его нет. Но реально он подготовлен всей чёткой структурой романа. Если угодно, мнимое отсутствие «конца» можно рассматривать как удачный художественный приём. С другой стороны, если рассматривать текст как личные воспоминания, «открытый финал» диктуется ходом самой жизни: исход из России – лишь переход на другую ступень испытаний.

ПРОЯВЛЕНИЯ ГЛАВНОЙ ИДЕИ В РОМАНЕ

*За их случайною победой
Роится сумрак гробовой.*

А Блок

Обаяние романа и в том, что автор не претендует на обобщения. Однако большая идея, во всех её сложностях и противоречиях, разными оттенками сквозит сквозь толщу плотной и подчёркнуто реалистической прозы. (Как это и свойственно русской классике). Её проявления естественно живут то в одном эпизоде, то в другом, как отзвуки на реальные события. Конечно, автору помогает тут духовный опыт. Она, как и другие «Оптины дети», т.е. духовные чада Оптинских старцев, была одной из тех немногих, кто, благодаря постоянной духовной практике и перенесённым страданиям, предчувствовала и ощущала близость обрыва русской культуры, пришествия «грядущего хама». Мы знаем, как это сказалось в творчестве А.А. Блока, и у Андрея Белого, Дм. Мережковского, Вл. Соловьева.

Существуют немногочисленные фрагменты, где автор решается высказаться прямо от себя: «Хамом запахло давно, а теперь должны были воцариться и его сатанинские слуги...» (гл. 11). Или: «Подполье напрягало все усилия, чтобы приблизить катастрофу: подкапывало, расшатывало и подпиливало устои нашего отечества, толкая его в страшную пропасть... Ни для кого не является тайной, что в марте 1917 года... готовился дворцовый переворот, а потому, боясь его, силы другого лагеря поторопились провести свою февральскую «бескровную» революцию, затопив в крови и двор, и всю Россию. Таким образом, то, что было произведено два года спустя кучкою отбросов и палачей в Екатеринбурге, было лишь следствием окончательного разрыва общества со своим Государем в шестнадцатом году. Я шаг за шагом следила, в бессильном

ощепенении, за этой трагедией. Раздражение было сильнее, смена министров стала уже почти неприличным явлением, нервозность обеих сторон была максимальная, сдержанная у Государя и не сдерживаемая в обществе. Духовный разрыв Петрограда с престолом произошёл окончательно, а репрессии после смерти Распутина ещё сильнее распалили страсти» (гл. 8).

Но чаще персонажи романа с разных сторон видят и передают (со всеми особенностями их речи) отсветы этой большой идеи, её тонкости, заложенные в ней парадоксы и разноголосицу. Так, Маша, женщина из народа, близкая Вере Дмитриевне духовно, бывшая «горничная Марихен», а в описываемое время монахиня Дугиненской обители, возникшей под духовным руководством Оптиной и возглавляемой её чадом, игуменьей Софией (Гриневой), говорит ей: «Судьба России, Ваше сиятельство, как хранительницы православия и родины сонма святых, по свидетельству старцев, совершенно особенная: недаром она называется в народе: «Святою Русью». А вместе с тем мы знаем, что стала она себя вести чуть ли не хуже прочих стран» (гл. 3).

А в другом месте читаем: «Кого люблю, того и бью»; любимое дитя больше наказуется» (гл. 3).

Или вот такой выразительный эпизод, с пронизательностью которого может поспорить разве что провиденциальный «Серебряный голубь» Андрея Белого. Здесь проявляется та мифологическая, сказочно-былинная реакция народа на события 1905 г., которую всеми силами в течение семидесяти лет пытались «затушевать» советские идеологи, придумав и «наложив» на события свою сконструированную «мифологию», таким образом, ложно выстраивая и дальнейший «путь развития». Тут явлена и народная детская вера в царя – краеугольный камень российской действительности – столь чётко исторически объяснённая и описанная очевидцем событий, родным дядей Н.Д. Лобанова-Ростовского⁸, и желание света и справедливости, и полное отсутствие зрелости для социальных перемен, которые железным наганом вводили большевики.

Как-то вечером нам было особенно жутко... пришли к нам выборные – человек пять от крестьян. Мы, как ни в чём не бывало, приняли их честь честью. Усадили в буфетной и стали угощать, а старший и говорит нам: «Спасибо за хлеб, за соль, а только общество прислало нас, чтобы посоветоваться: приходили к нам люди из Москвы, говорят – приказал царь-батюшка христианам, чтобы порешили они всех господ и всё их добро меж собой поделили; и будет он тогда христианским царём и настанет счастье в

⁸ «Для русского, дворянин он или нет, царь – это национальный символ, как Бог для верующего. Всякий раз, когда происходит встреча с императором, крестьянин говорит ему «ты», в то время как другие говорят ему «Вы», потому что они уже внутренне изменились... Русский – это всегда монархист и в течение столетий жил для Бога и царя – это какая-то мистика». Вырубов Н.В. «Русский барин – герой Франции» М. 2017.

России. А как от князя с княгиней мы окромя добра ничего не видели, то пусть они сами себе смертушку выберут: водой ли, огнём ли, просто ли их удавить, чтобы скорей было – это как им будет угодно. – Я слушаю, ушам своим не верю. Говорит он всё это без сердца и без зверства, и *не в азарте*. – А что князь был ли к вам добр?

– А как не добр: и травую, и лесом помогал.

– Так как же, – говорю, – порешить их, ведь это грех!

– Грех то грех, матушка, а только они поцарствовали, а теперь и наша пора вышла. Вспомнил о нас царь-батюшка и послал своих людей по всему народу расейскому. – Да так ли? Ведь вот же, кажется, от царя в Москве адмирал Дубасов с бунтарями бьётся. Не подождать ли, что будет? Не вышло бы ошибки! Вот если народ побьёт адмирала Дубасова в Москве, тогда приходите к нам, будем о деле говорить. А пока передайте мой совет в деревню, чтобы сидели смирно, а то как бы хуже не вышло.

– И то правда твоя, матушка, сер народ, что и говорить! И вправду так лучше, и на сердце легче. Пойдём, братцы, что ль!

– Проводили мы их, помолились Богу, что пронёс Господь беду, да и думаем – как и впрямь сер народ Российский, что с ним водка да беспутство сделали!.. Да, была Святая Россия, а теперь во грехе лежит. Старцы одно твердят: «Быть беде, если не покаяться». Думается мне, что после пожарища каждый хозяин рад, если ему на новую печь кирпичину принести. Вот, если бы студенты вместо того, чтобы царя да своих родителей огорчать, каждый по кирпичику бы принёс, чтобы подпорку для отечества строить, то было бы лучше, чем народ подбивать господ резать, да с царским адмиралом драться. Вот и разумею я, что слов Царицы Небесной теперь нам не понять, а когда дети ваши вырастут, то увидим мы, что ещё будет с нашей Россией.

Одно скажу, когда с нами в буфетной сидели мужики, то я чувствовала, как будто *Россия колышется*, и как ей от этого легко упасть и разбиться. (Гл.3; курсив мой).

ПОНИМАНИЕ СТАРЧЕСТВА НА РУСИ

Подобного рода «многоголосные» идеи, содержащие этико-религиозную и этно-культурную компоненту, с трудом удавалось уложить в «ложе» строгих философско-богословских рассуждений, как мы видим, например, из произведений Г.П. Федотова или Н.М. Бердяева, по крайней мере, они начинали явно тяготеть к более вольному жанру. Автор и не позволила бы себе предлагать читателю обобщающие умозаключения, и не ставила такой задачи, её путь – передать личные впечатления, порой добавив непосредственные умственные реакции на них. Однако форма романа – «на конкретных примерах» – оказывается чутким проводником разных сторон общей идеи.

Таким примером оказывается анализ существа и действий Распутина, представленный Верой Дмитриевной читателю как бы изнутри понимаемого русского старчества.

Но раньше я скажу тебе несколько слов о Григории: это умный и в высшей степени одарённый человек, но находящийся во власти тёмных сил, – потому его дары не помогают ему, а, наоборот, придают только яркость его моральному падению. Прибавь к этому полное отсутствие в нём

культуры и элементарного образования, которые бы сдерживали хоть несколько разнузданный, бесшабашный разгул этого зазнавшегося хама... Он безобразничал, дрался, пил, не просвещал своего ума.

Но вот и у него наступил момент просветления. Григорий стал послушником одного из монастырей. *Тогда-то многие из наших чтимых иерархов, встречаясь с ним, были поражены его дарами.* Оставив монастырь также легко, как и всякое другое из своих увлечений и попав в среду, ему непривычную, он при первом успехе потерял голову. Тут-то дьявол окончательно и овладел им. Хам вышел наружу, и Григорий с тех пор не щадил ни двора, ни себя. А силы Григория большие и удивительные, лицо его замечательно и ужасно: на тебя глядят точно режущие, совершенно светлые небольшие глаза, сидящие в громадной орбите абсолютно чёрного цвета. Смотреть на него нельзя без внутреннего содрогания – из таких людей выходят деревенские колдуны» (гл. 7).

Невозможно понять России и трагедии, в ней случившейся, без одной важной этно-культурной особенности – так называемого «двоеверия». В конце XX в. на неё стремились обратить внимание общества видные учёные, в частности, Б.А. Успенский и Н.И. Толстой. Суть этого явления в том, что начиная со времён Древней Руси, под спудом реально воспринятого христианства жили, цвели и зеленели языческие представления и традиции. В результате практикуемого языческого «волхования»:

...в целом духовная жизнь русского общества оказалась расколотой – с двумя параллельно существовавшими уровнями культурного развития»... Христианство, в отличие от множества других религий, основанных на мифологии, – религия историческая... Христианство и его церковный календарь ежегодно побуждает паству переживать земную жизнь Христа и уже тем самым задумываться над своим жизненным путём. Язычество же побуждало человека переживать вместе с природой цикличность её годового развития, её пробуждение, цветение, увядание и зимний сон, равносильный временной смерти. Вероятно, это сближало две религии, два восприятия мира, как сближало и то, что обе религии были экологическими: язычество было направлено на экологию природы, а христианство – на экологию человеческого духа. Не потому ли и древняя Русь, восприняв христианство, не делала уже попыток его отвергнуть, и процесс полного закрепления новой веры шёл довольно быстро?»⁹

Носители двоеверия, как сейчас, так и ранее, как правило, отчёт в этой двойственности себе не отдавали и не отдают. Но оно сказывается в той «практике» лечения, заговоров, обрядов, которые с христианской точки зрения представляются не только чуждыми, но и прямо наносящими вред бессмертной душе. В сущности, эта «практика» является «отпадением» от нравственной доктрины, падением вниз, в тёмные и безблагодатные для современного христианского человека времена, когда он познал только духов природы и им всецело отдавался. Особенно это касалось сельских жителей, чей уклад не менялся веками. Впрочем, акад. Б.А. Рыбаков в

⁹ Толстой Н.И. «Язычество и христианство древней Руси».

конце XX века специально занимался этими «бессознательными реликтами язычества» в городской среде, находя даже проявления его у студенчества. Всякий, кто соприкоснулся с этнолингвистическими экспедициями в Полесье в 70-х – 80-х гг. прошлого столетия, возглавляемыми акад. Н.И. Толстым, не может забыть яркие свидетельства «мифологического мышления», подробно записанные филологами и послужившими основой для создания многотомного «Словаря славянских древностей». О чём идёт речь? Об окказиональных обрядах, совершаемых деревенскими колдунами для исцеления болезней людей, скота, для улучшения урожая, для изменения погоды. Народ их называл разными именами. Но суть этого неразгаданного доселе явления была в том, что близкие к природным стихиям некоторые люди получали силу, к сожалению, тёмного и неведомого происхождения. То есть она могла реально излечить, но душу покалечить. Это явление до сих пор никак ещё научно не разгадано. Но многие подпадали под его воздействие. Оно дожило и до наших времен. Влияние этой силы, увы, на «переломе эпох» спутали с благодатью старчества.

Княгиня Вера Дмитриевна, называя «распутинщину» «сатанинской карикатурой старчества», именно с этой строго христианской точки зрения оценивает Григория Распутина и его роковую роль в истории последних Романовых на престоле.

Помнится, в записанных нами многочисленных полесских быличках (фантастических историях, как будто привязанных к конкретному бытию, времени и месту), влияние этой силы, поначалу дающее здоровье, прибыль, успех, неизменно заканчивалось превращением всего добытого путём «чудесной силы» в пепел, пустоту и крах. Потому, думается, и предсказывал Григорий Распутин скорое распадение всей семьи Романовых, после его гибели – перестанет действовать эта ложная, «прельстительная» сила – и обратятся её «достижения» в ничто.

Многое в реальной гибели Распутина сопровождалось устойчивыми «фольклорными элементами». Так, по преданию, колдун долго мучается перед смертью, да и не может умереть, не передав своей тёмной силы кому-либо из живущих. Зоркий взгляд писательницы выхватывает из потока бытия подобный эпизод, сопоставляя его с гибелью Распутина.

Да опять-таки: у нас в деревне, недалеко от Рукавишникова жил колдун, который в церковь никогда не ходил и никогда не приобщался¹⁰. Он мог наводить мор на скот, отводить людей от их долга, внушать недолжную привязанность и всячески за мзду продавал свою совесть. К нему шли гонимые страстью или потерявшие равновесие несчастные люди. В прошлом году он умер.

¹⁰ Т.е. приобщаться святых Христовых тайн – причащаться в церкви после исповеди для очищения души и прощения грехов.

Наш батюшка мне рассказывал, что это была лютая смерть: в течение четырёх суток душа его никак не могла отделиться от грешного тела¹¹. Он кричал, молил его убить, судороги сводили его лицо, руки и всё тело. Он всё повторял, или, скорее, рычал, что сатана со своими слугами начал его истязать уже при жизни. Руки и ноги колдуна были так сведены в момент смерти, что их пришлось сломать, чтобы положить его в гроб, а смрад от него шёл такой, что, несмотря на зиму и немедленные похороны, никто, кроме духовенства, не мог остаться в храме, хотя и много любопытных набралось к этому отпеванию. Одним словом, батюшка был не в состоянии передать без чувства содрогания всех подробностей этой ужасной смерти (гл. 7).

Выводы, которые делает Лобанова-Ростовская в связи с «распутинщиной» и другими подмечаемыми ею «подрывными» процессами в обществе, предугадывают дальнейший распад традиционной России.

Мы чуяли, что надвигается что-то жуткое и страшное, но что именно – мы не в состоянии были облечь в реальную форму. Государь не сумел или не мог пред любимую жену поступиться Распутиным, этою сатанинскою карикатурою старчества, петербургское общество не хотело или не могло ждать конца войны и нести свой крест с терпением. А злые силы нашёптывали, лгали, работали, издевались и клеветали. Уже открыто в обществе, на железной дороге, на улицах поносили двор и Распутина.

Государь был на редкость обаятельным человеком, до войны Россия достигла при нём небывалого развития во всех отраслях; она шла к полному своему расцвету шагами гиганта, и надо же случиться такой нелепой истории, как распутиновщина, чтобы отшатнуть высший класс государства от царя и этим, в сущности, произнести приговор над ним. Не отвернись общество, будь патриарх – не было бы и революции (Гл. 8).

В обобщенном виде эти соображения передаёт один из персонажей повествования: Ещё преподобный Серафим начал об этом говорить, и целая плеяда старцев это повторяет, углубляет и подробно предвещает, а они всё продолжают толкать родину на погибель. Что жизнь частного лица, что государства – всё едино: ошибки, промахи, прегрешения вызывают увещания, если его не послушают – следует начальное наказание, а это не подействует, – Господь попускает сатану отчасти показать свою силу. Отец лжи приступает к своей известной всем работе: соблазнять и ввергать в позор. Море крови, стоны и стыд, ломка и крушение сопровождают его шествие. В частной жизни это кончается обыкновенно смирением и обращением, а в государственном масштабе процесс длительнее и потому болезненнее» (Гл. 5).

Постепенно, углубляясь в события романа, мы понимаем: старцы, которых посещали Вл. Соловьев и Достоевский, Толстой и Ахматова,

¹¹ По многочисленным «Полесским записям», сделанных участниками этнолингвистического семинара МГУ, руководимого акад. Н.И. Толстым, колдун не может «уйти», не передав своего черного умения кому-либо из живущих, и страшно мучается перед смертью.

оказываются для автора важнейшей ценностью русской жизни, главным итогом многовековой духовной православной практики. Однако сильнейшее духовное почтение к ним не мешало ей разглядеть в текущей жизни «подделки», применяя весь свой обширный духовный опыт, и не ко всякому славимому большинством имени стремиться. «Настоящих старцев, вдохновенных и прозорливых, очень немного, да и найти их не так-то легко и просто: и неведение, и дальность расстояния и всякие препоны, и Бог только знает, какие помехи восстают между ними и ищущими их людьми. А потому, кто имел счастье обрести в лице старца своего духовного руководителя, тот твёрдо должен помнить выработанное опытом веков правило: лучше не обращаться к старцу, чем, обратившись, не выполнить его заветов и указаний» (гл. 20).

Напротив, «Болящий Иоанн» вызывает неприятие у людей её круга, это её несколько не останавливает. «Нет уж, княгинюшка, увольте. Боюсь я к нему ехать: это чародей какой-то, точно колдун! Боюсь, он мне ещё прорицать будет, Бог с ним. Уж вы меня извините, может быть, кого другого найдёте, а я не могу... Убеждать, объяснять значение старчества я не стала, а с горьким чувством поскорее ушла» (гл. 8).

ОСОБЕННОСТИ ПРОЗЫ

Не обо всем можно рассказывать коротко. Именно дневниковый характер, тщательность выписанных эпизодов создаёт ту «подробность бытия», которая помогает читателю стать как причастным описанным событиям, представить себе зримо, как обыденная русская жизнь, испокон веку полная «злобы дня», забот и хлопот, постепенно, не сразу, начала «разъедаться» деятельностью новой власти. Тем более, без медленного развития сюжета нам не удалось бы войти в сам ход рассуждений религиозных людей, созерцать уникальный опыт духовной практики.

Роман в манере изложения остаётся преданным традициям русской прозы XIX века, конечно же, хорошо известной его автору. Без всякой иронии, понимая как положительную особенность прозы Веры Дмитриевны, соответствующую задачам повествования, мы можем применить к ней пушкинские строки: «Роман классической, старинный, Отменно длинный, длинный, длинный, / Нравоучительный и чинный, Без романтических затей». Все эпитеты на удивление окажутся верными.

Более того, медлительная подробность, постепенность погружения в атмосферу описываемого, разбег для обдумывания, пространное «текстовое время» оказывается неслучайной компонентой хорошей прозы, её жанровой необходимостью, по мнению И.А. Бунина. Что и было

выражено писателем в присущей ему резкой лапидарной форме: «проза должна быть скучновата»¹².

Течение жизни, которое специально не придумашь: среди всеобщего горя – весёлый благотворительный вечер с целью «утереть слезу» потерявшим всё имущество, грубости «товарищей» и страх перед жестокой народной стихией; модные пальто и поездка в Оптину. Естественность, ныне потерянная, отсутствие позы и смиренное описание того, *как* это было – в понимании автора. Подробность бытия сказывается во внимании к людям, с которыми сводила судьба. Благодаря сохранённым дневниками обстоятельности деталей случайная попутчица, обладающая московским характерным говором, или кучер Григорий, спасший лошадей ценой своего здоровья, становятся запоминающимися фигурами разветвлённого повествования.

Характерная особенность текста княгини Лобановой-Ростовской – внимание к фонетическому и семантическому облику слова, даже к синтаксису народной речи – на фоне авторской речи, чётко нормализованной и правильной. Так её ухо улавливает и передаёт особые значения выражения «*скромник ты и художник*» в речи горничной, осуждающей пустого человека, буфетчика Семёна. Слово «скромник» употреблено в переносном значении: нескромный, неприличный человек. Слово *художник* здесь тоже употреблено в неодобрительном смысле, т.е. позволяющий себе *художества (простореч.)* – озорные или дурные выходки. Разговорные формы «становилось все *слаже и слаже*» (слаще); «управляюсь, *ужотка* и поплачу»; «да народ *баёт*, Ваше Сиятельство, что *ажно* мозги выскочили, так он обухом долбанул... *Кандальщика* уже *пымали*»; «наши ребята с лесом ездили, так *утрость* будут *порожнём*», *базаровать* (продавать на базаре). Синтаксис «у меня и в школе урок Закона Божьего *за самый любимый шёл*». Мы привели малую толику примеров, показывающих лингвистическую чуткость автора. Однажды мы встречаемся и с прямым выражением любви к русской речи в разных её вариантах: «Эта очень приветливая, симпатичная женщина средних лет говорила с тем чудным акцентом, с каким говорит народ только в Москве. Для меня это бесподобная музыка, и я сразу же утешилась как звуком её голоса» (гл. 4).

«Установка» строго передавать факты, не лишает всё-таки роман влияния поздней ретроспекции. Да и кто бы мог избежать чуть

¹² «...Он смотрит на меня насмешливо. – Пушкин говорил: поэзия, прости Господи, должна быть глуповата. А я говорю – проза, прости Господи, должна быть скучновата. Настоящая, великая проза. Сколько в «Анне Карениной» скучных страниц, а в «Войне и мире»? Но они необходимы, они прекрасны. Вот у вашего Достоевского скучных страниц нет. Нет их и в бульварных, и в детективных романах» См. Одоевцева И.В. Воспоминания о Бунине.

изменённого взгляда на то далёкое и недостижимое более сокровище – «потерянную Россию»?!

Так, могло бы показаться преувеличением или некоторым «перебором» неприятие заграницы русскими людьми «простого звания», и непонятно умиление автора по этому поводу. Однако если мы обратимся, например, к образу нянюшки у Ивана Шмелёва, оказавшейся в Париже, мы вряд ли найдем какие-то различия в восприятии «чужестранства» и в отношении писателя к этому восприятию. Надо признать, что княгиня описывает реальное явление таким, каково оно было в определённой части народа.

– Аннушка, милая, что же ты на красоту такую не смотришь?

– Да разве, Ваше сиятельство, у нас в России своей красоты нет? Я на Кавказе, в Ставрополе родилась и выросла, с родителями ещё к Чёрному морю ездила – там до Батума такая красота, что глаз не отведёшь. Вот то, действительно – красота! А это что?.. Не больше, как на открытку взглянуть... хороша страна: со вчерашнего дня чая не пили, кипятку нигде не достать... (Гл. 6).

Определённая религиозная дисциплина присуща умонастроениям автора, однако это вовсе не означает, что её суждения – плод, не испытанный собственными впечатлениями и размышлениями. Круг её обязательного чтения – духовные писатели, русские и зарубежные. Среди них Лодыженский, Глубоковский, протоиерей Гр. Дьяченко, Фр. Фаррар. Последнего ей рекомендовал священник, она, читая, тонко чувствует некоторую фальшь, о чём и говорит.

Я взялась за чтение Фаррара и стала шаг за шагом изучать земную жизнь нашего Господа. Чудная книга! Но чего-то мне не доставало в ней: она не была согрета одной со мною любовью к сокровищу всех скорбящих, к Пресвятой Деве Марии... Она по своему содержанию совершенно не отвечала состоянию моей души. Но несмотря, так сказать, на подневольное состояние моего духа, я чувствовала степень таланта автора. Прочтя этот труд, где трактовалось о создании мира, о наших прародителях и трагическом грехопадении их, я сразу ощутила силу автора, красоту его интуитивных выводов, оригинальность образа мысли и глубину самобытных суждений (гл. 2).

Или:

После всего только что пережитого, мне не хотелось садиться, но к девяти часам усталость всё же дала себя знать, и я начала пользоваться в дозволенном церковным уставом время сидением, как и братия, памятуя, что лучше сидя думать о Боге, чем стоя о ногах (гл. 5).

Нельзя сказать, чтобы автору не был присущ юмор, княгиня вдыхает всю полноту жизни, любит красотою во всей её земной, зримой и осязаемой полноте. «Хотя еда была самая незатейливая – превкусно приготовленные щи и каша, рыбный студень и молочный кисель, но из бора тянуло смолистым ароматом, воздух был немного прохладный, волшебнo-живительный, а солнце блистало ярче летнего, и повсюду носилась паутина» (Гл. 5). Щи да каша – пища наша – хлеб насущный, а не просто мирское! Воздухом и солнцем и монахи дышат!

Или:

Несмотря на то, что тётушка доживала седьмой десяток, она была так хороша собой, что все дети, не понимая этого и не сознавая, тем не менее, были под обаянием её величественной красоты. И по характеру, и по манерам, и по голосу, и по размаху, и, конечно, по внешности, она так не подходила не только к Швейцарии, но и к жизни начала нашего столетия, что всё кругом бледнело пред нею, как бледнела бы буржуазная гостиная, если бы в неё внесли кресло из Версаля. Она любила окружать себя молодёжью, и поездка старших детей к ней была для них сплошным праздником (гл. 6).

Или описание спектакля в Швейцарии:

Ракеты пускались по сотне штук сразу, причём они минут пять держались в воздухе. Казалось, что в необозримой выси лопались точно шары различных цветов, а из них вылетали роем, например, зелёные жуки и, полетав, лопались и превращались в голубые ленты, последние, в свою очередь, преобразовывались в золотые звёзды, которые скоро менялись в серебряный дождь, уже лившийся в озеро. Всё это, изменяясь в цвете и в изображениях, неоднократно повторялось с неизменным рёвом будто падавших снарядов (гл. 6).

Интуиция, которая приобретена была всем опытом чуткой духовной жизни и самоконтроля, подсказывает автору порой совершенно художественное видение надвигающейся трагедии:

Фейерверк начался. Как всегда, изумительный... лился какой-то волшебный фонтан, светился какой-то огненный корабль, какой-то гигантский букет бросал все тени радуги от своих цветов. Вдруг, точно дугообразная молния сверкнула над эстрадою и прямо упала к месту под деревом. Через мгновение послышались зловещие слова: «tuée, tuée sur place»¹³... Мы подошли к месту происшествия – на полу лежала молоденькая девушка и тут же, в луже крови, её отрезанная голова. Публика в ужасе ринулась по аллеям к выходу... Над головой моего Никиты пролетел раскалённый добела диск, но не тогда суждено было Господом разлучить его с нами (гл. 6).

«НАЧАЛО ДЛИТЕЛЬНОЙ КАЗНИ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА»

В тексте Веры Дмитриевны, в плотном следовании один за другим потоков конкретных событий, то тут, то там разбросаны свидетельства надвигающегося «одичания», «чувство омерзения и отвращения к большевикам».

Она верно предчувствует длительность предстоящего «плена»: «Вскоре пришло потрясающее известие об убиении Государя. Многие сошлись на тайную, полубезымянную панихиду. Это убийство было не только убийством Царя и его семьи, оно было началом длительной казни нашего Отечества – все это почувствовали, если ещё и не вполне осознали» (гл. 12).

¹³ Убили, убили на месте [прим. автора]

И тут княгиня деятельно проявляет все возможные женские, житейские качества, мудрость матери, а также изворотливость, ловкость, хитрость – для спасения близких. Её Христос – здесь, с людьми, в лишениях и грязи бытия. В её натуре нет разрыва между высоким строем души и «хлопотами Марфы» и «ложью во спасение». Наверное, и сотой доли не открывает она читателю «всех секретов, которых при большевиках было так много» (гл. 11). «...мы потеряли целую неделю на *хитрости и уловки*, на перенос вещей вечерами к близко живущим знакомым, а затем на вывоз их оттуда в телеге» (гл. 14); «Господи, вразуми, о чём мне с ними говорить, чтобы они не очнулись, пока их сердце не расположится ко мне» (гл. 16).

Великая женщина, мать и жена, действует сообразно обстоятельствам, беря ответственность за семью в пылающей России, и не могла бы иначе: «А только ты не учитываешь того, как я сама себе бываю противна: ведь когда я говорю с большевиками, мне приходится перевирать правду с неправдой, и этой ниткой вышивать нужный узор» (гл. 24). И некоторым упрёком звучат в её адрес слова одного из действующих лиц: другие же, мол, жёны не пошли на поклон к «злодею», пытаюсь вызволить своих близких из тюрьмы? Она их честно фиксирует, оставаясь при своем мнении. Досадует она порой и на слишком прямолинейно понимаемую порядочность мужа, уговаривая его притвориться больным ради спасения из тюрьмы. Князь отказывается, не желая чем-то выделяться среди других обречённых. Но в задуманной ею и осуществляемой на пределе напряжения сложной комбинации по вызволению Ивана Николаевича Провидение оказывается на стороне женщины.

А вот сцена, которая автором передана так, что мы ощущаем и ужас её и чуть мелькнувший авторский юмор. Спасая в сотый раз положение в опасной ситуации, она спешно сочиняет «житейски подходящую» историю:

– А где ваш муж, хозяйка? – коварно спросил меня на прощание матрос...

– Да что делать... была молода – так жалел меня муж, а начала стареть, так и бросил меня. Теперь вот и бьюсь одна-одинёшенька.

Здесь она чутко употребляет глагол «жалеть» в значении «любить», ибо народная речь знала только это слово в обозначении личного чувства к противоположному полу. Удивительна подсознательно положительная реакция простого человека на мощь и силы её натуры:

– И такую-то бабу бросить! – ударив себя по коленке, возмущённо воскликнул сидевший на кровати красноармеец (гл. 24).

Обо всём Вера Дмитриевна судит с трезвым взглядом работающей опытной хозяйки:

Развратителем же деревни и её горем стало другое явление: развитие «комбедов» – комитетов бедноты, куда попадали отбросы крестьянства, потому что смело можно сказать, что бедность в нашей чернозёмной, плодородной полосе происходила большей частью не от несчастно сложившихся обстоятельств, а от морального падения, от пьянства,

озорства, всякого буйства и озверения. Лишь незначительная часть бедноты состояла из обездоленных – калек, безземельных, бывших дворовых, сирот или же бобылей... В общем же своём положении село Захарино отличалось от многих других сёл как своим видом, так и зажиточностью своего крестьянства. Ввиду этого у нас бедность крестьянина была часто синонимом порочности, лично его или всего рода» (гл. 14).

Она способна честно заглядывать себе в душу в тех случаях, в которых редкий человек решается на неё:

До смерти моего сына Господь столько уже показал мне богатств милости Своей, что пора было бы мне осмелиться сказать, что я скорее не верю в бытие Божье, а знаю о нём, однако вражеские нападения настолько иссушили душу, что я уже потеряла силу молитвенного общения с небом, а потому начала сомневаться и в загробной жизни» (гл. 2).

Уже упоминалось, что до событий переворота весь главный круг интересов связан с последователями преподобного Амвросия Оптинского. Пройдя весь круг мытарств, закончившийся исходом из России, кн. Лобанова-Ростовская вновь возвращается к теме старчества.

«Мы были поставлены в безвыходные условия жизни. Волей или неволей надо было искать выход и думать, и придумывать, как его найти. И я пришла к заключению, что никто не мог его нам указать ни земными путями, ни логикой, ни рассуждениями, – потому что даже каждое правильное действие наше в один миг могло разбиться о вихрь бесправия и преступления. Одно высшее вмешательство «не от мира сего» было нам необходимо в нашем положении, и только старец, следовательно, мог дать нам нужные указания и благословить на безошибочные, в смысле их результатов, шаги. А голос совести, единственный нелицеприятный судья и помощник в безошибочном разрешении вопросов жизни нравственного характера, в данном случае, ничего ровно не мог подсказать» (Гл. 15).

Особо следует отметить близость семьи к Дому Романовых. Мы уже упоминали о том, что сестры князя Ивана Николаевича были фрейлинами Великой княгини Елизаветы Фёдоровны. Сын Дмитрий Иванович, который будет расстрелян в Болгарии – отец публикатора Н.Д. Лобанова-Ростовского –

«...получил в благословение от Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны образ Ангела Хранителя, а от княгини Сухоруковой – специально ею заказанный образок Козельской Божьей Матери. И опять она была так серьёзна и многозначительна, когда, благословив им новорожденного, передала мне образ и просила, чтобы Кирилл [т.е. Дмитрий] не расставался с ним во всю свою жизнь, и чтобы я записала всё, сказанное ею».

К сожалению, не удаётся восстановить ныне подлинную фамилию «княгини Сухоруковой» (мы знаем из комментариев автора, что подлинные титулы, должности и звания в тексте сохранены, изменены только имена)...

В любой, самой беглой рецензии, когда вводится в литературный обиход новый текст, хочется, чтобы читатель имел возможность почувствовать авторскую манеру изложения. Мы позволили себе в этом

случае обильно цитировать автора «О российской трагедии XX века». Голос автора звучит и в заключение:

«Годы проходили, молодость души уходила безвозвратно. Я уже не только перелистывала страницы книги о жизни и смерти, но уже читала её внушительные строки и поняла опытом, что смерть на земле, это трагическое завершение нашей земной жизни, могла произойти только от неповиновения Творцу, неповиновения, ведущего к потере нашего спокойствия и радости. Я познала также опытом, что все гонятся за счастьем, а оно у нас в руках – только никто не видит его и не хочет видеть, а, наоборот, с каждым днём удаляются от него всё дальше и дальше» (гл. 3).
Профессор Екатерина Фёдорова

Княгиня В. Д. ЛОБАНОВА-РОСТОВСКАЯ

Из пережитого (1903-1935; отрывки из романа)

Воспоминания Веры Дмитриевны Лобановой-Ростовской, урождённой Калиновской, написанные под псевдонимом Наталья Артамоновна Захарина (София, 1926).

О ПРИРОДЕ ЧУДЕСНОГО

*Митрополит Владимир
Богоявленский*

В конце января злополучного 1917 года в двухсветном зале античного особняка в Петербурге¹⁴ собралось около ста человек на публичные чтения.

Большинство лиц было представителями высшего петербургского общества, однако присутствовали и несколько священников, а в первом ряду сидел покойный уже ныне митрополит Владимир¹⁵. Гвоздём этого вечера было чтение М.В. Лодыженским¹⁶ отрывка из его книги: «Невидимые волны». Автор читал превосходно: мягкий голос его невольно приковывал внимание слушателей, а умело выбранное им место – о чудесном

¹⁴ «Дом Половцева» на Большой Морской, 52?

¹⁵ *Священномученик Владимир* (Богоявленский; † 1918), митрополит Киевский и Галицкий (с 23.11.1915). В 1912-1915 митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, священноархимандрит Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры и первенствующий член Св. Синода. Высказывался против влияния Распутина при Дворе и был переведен на Киевскую кафедру. Убит революционными солдатами около Киево-Печерской Лавры, где и был погребен.

¹⁶ *Митрофан Васильевич Лодыженский* (1852-1917) религиозный мистический писатель, искавший пути единства православия, индуизма, теософии. Л.Н. Толстой глубоко интересовался идеями писателя. Это беллетристическое сочинение повествует о преодолении темных сторон, заложенных в природе человека, и о дороге к свету.

исцелении героя у мощей Святителя Митрофания¹⁷ – послужило темой дальнейших философских обсуждений. Книгу Лодыженского я читала раньше и очень сильно её переживала, а потому всё моё внимание сосредоточилось на священнике, подошедшем после автора «Невидимых волн» к столу.

– Позвольте и мне, – начал он, – поделиться с Вами впечатлением о хорошо известном мне, во всех подробностях, случае исцеления тяжело больного у мощей Святителя Митрофания. Лет семьдесят-восемьдесят тому назад, в глухом селении в ста пятидесяти верстах от Воронежа, жило семейство одного церковного служителя. Средств было, конечно, мало; семья большая, и мать с утра до вечера, и с вечера до утра возилась по хозяйству и с детьми. Среди них был мальчик Коля, лет пятнадцати, хорошо учившийся и радовавший родителей своим живым умом и добрым сердцем. Но, мало-помалу, какая-то болезнь стала подкрадываться к нему. Сначала заболел у него бок, потом спина, затем ногу стало сводить. Мальчик начал хромать, полёживать дома. Обучение было оставлено. Среди хлопот по хозяйству и возни с новыми детьми, появляющимися на свет, у семьи не было ни времени, ни сил лечить заболевшего. От времени до времени открывались у него раны, которые сильно его мучили. Средства лечения были местные и домашние, жизнь не останавливалась, и больной из мальчика превратился в мужчину-калеку.

Паломники Монастыря св. Митрофания, жаждущие исцеления

Болезнь всё продолжалась: она перебросилась и связала руку, и на руке появились язвы. Если кто-либо спрашивал: «Да как же больного не сведёте Вы к Святителю Митрофанию?» – то бедная, изнемогающая мать отвечала: «Да вот всё не удосуживаемся». Тем не менее, в семье жила глубокая непоколебимая

вера, что лишь было бы время свезти, а уж исцеление-то у мощей будет верное. Всё дело во времени. А его-то для таких дел, как известно, никогда не бывает. Вот Господь и заставил найти время: болезнь ухудшилась и, наконец, стали у больного выпадать из ног и рук части разрушающихся суставов. Боль скорченных членов не давала ни минуты покоя, и

¹⁷ Святитель Митрофан (в схиме Макарий), епископ Воронежский († 1703), имел от Господа дар исцеления и чудотворения. В конце 1831 состоялось обретение честных нетленных мощей святителя, от которых стали происходить многочисленные чудеса. 7.08.1832 епископ Митрофан был причислен к лику святых.

несчастный страдалец в страшных мучениях не мог больше сдерживать стоны. В эту пору ему уже исполнилось тридцать восемь лет.

Наконец, сердце родителей не выдержало этих картин, и они, после стольких лет, снарядили телегу, и состарившаяся уже мать повезла больного сына к Св. Митрофанию. Мучения, вынесенные больным в дороге, не поддаются описанию. Еле живого его сняли с телеги и отнесли в храм. Был отслужен молебен Святому, а затем больного приложили к мощам Святителя, и священнослужитель помазал елеем страдальца. Сам больной, человек глубоко верующий, кроткий и тихий, знал и верил, что боли должны прекратиться, как только он приложится к мощам. А потому, как только они действительно прекратились, он этому не удивился, но в радости и блаженстве воспринял милость Божью. В таком настроении его понесли отдохнуть и переночевать в монастырскую гостиницу, куда за ним последовала, конечно, и мать.

Наутро их ожидала новая радость: ран как не бывало – всё затянулось кожей. Хотя места выпадения суставных костей и происшедшие от этого изменения были заметны, но кровь исчезла, и перевязки сделались уже излишни. Больной стал шевелить руками и ногами, однако чувствовалась ещё связанность в имеющихся у него искривлениях. Понемногу и совершенно безболезненно сполз он сам с постели и, о диво! Стал, хотя и шатаясь, на искалеченные ноги. Ликование его не имело пределов. Благодать Божья явно коснулась его, и благодарное сердце просто разрывалось на части от восторга и веры. В таком настроении мать и сын вернулись домой. Укрепление последовало за исцелением, и прежний больной стал расцветать к новой жизни. Правда, всё его тело было искривлено и покрыто шрамами; правда, он ходил, хромая, но новая жизнь и новые силы влились в него.

Как случается обыкновенно, одно счастье последовало за другим: к этому времени престарелый отец исцелённого был посвящён в диаконы и переведён в город. Явилась возможность для Николая продолжить прерванное учение. Помощь Божия, природный ум и твёрдая воля сделали своё великое дело: сорока двух лет ему нашлась подходящая жена, и он рукоположен был во священники. Жена скрасила его жизнь, дала ему пятерых детей. А теперь, когда отцу Николаю уже девяносто пять лет и он ослеп, она с великим терпением и любовью продолжает служить ему. Отец Николай, которого я видел этим летом – весел, бодр и говорил мне: «Какова милость Божия ко мне грешному; Господь даёт мне теперь возможность внутренним взором ещё ярче видеть Его неизречённую благодать ко мне, недостойному. И ангела земного, – говорил он, разумея свою жену, – послал Он покоить мою старость. Я думаю, счастливее меня нет человека в этом мире. Это моё счастье и радость, о, Господь, я заповедываю, как лучшее, что имею – детям своим. Да будет благословение Господне и над ними».

У отца Николая есть два сына-священника и три дочери, счастливо живущие со своими мужьями. А я, Вам это рассказывающий, – один из двух сыновей здравствующего и поныне отца Николая.

Так закончил своё слово небезызвестный в Петербурге священник, при общем душевном порыве к нему всех слушателей.

Затем выступил следующий докладчик. Это был светский человек около сорока лет, владевший словом и получивший хорошее образование и воспитание, но доклад его производил смутное и на многих не удовлетворяющее впечатление, хотя он и получил от знакомых, не понявших сути дела, звучные аплодисменты. Докладчик затронул вопрос о том, что: есть ли чудо, по существу? И многими примерами хотел доказать, что нам, с ограниченными нашими сведениями о сущности окружающего нас мира, несмотря на старания науки, многие явления кажутся чудом, так как мы не можем себе их объяснить; но с постепенным раскрытием тайны знания многие чудеса становятся вполне понятными. Развивая таким образом и далее эту мысль, мы увидим, что каждое чудо может быть и понято, и объяснено естественным образом.

В подтверждение всего этого докладчик рассказывал о многих совершенно непонятных, как бы чудесных явлениях, которые производятся такими же людьми, как и мы, только лишь имеющими и особые познания природы, и особую тренировку, хотя бы, например, йогами в Индии. Затем была приведена масса примеров из области действия электрической энергии и прочих научных открытий, объясняющих явления, до того считавшихся как бы чудесными. Однако всё это обилие примеров оставляло сердце холодным.

Далее говорил опять священник, но уже другой, тоже протоиерей и притом известный проповедник. Слова его успокоительно подействовали на многих встревоженных слушателей.

– Позволю себе, – начал он, – возразить многоуважаемому докладчику и категорически отвергнуть данные им сейчас пояснения. Чудо как понятие религиозное не есть только феномен физического мира, нами в данный момент не понятый: это есть и нас удивившее явление физического мира, и одновременно явное прикосновение к нам благодати Божией, которая вырабатывает в сердце нашем смысл данного события и даёт плод свой на радость, на счастье и на пользу души. Без благодатного прикосновения, без радостного ощущения его теплоты, не бывает чуда. Оттого и воздействие его необыкновенно, и душа, согретая неземным огнём, зажигается любовью к небесному.

В мире мы окружены непонятными явлениями, которые чудесами, однако, мы не считаем. Мы знаем удивительные явления-феномены: хотя

бы, например, перелёты Юма¹⁸, в середине прошлого столетия, при Королеве Виктории в Англии. Он чуть ли не вылетал из одного окна и влетал в другое, или расплывался как бы на атомы и переходил, как казалось, через стену.

Однако никто из присутствующих от этих явлений не возгорался любовью к Господу Богу и этим не положил начало новой, лучшей жизни. Как ни поразительно это явление, оно давно забыто и не выращивается в сердце на пользу человека. Чудеса же могут быть незначительны как феномены, но неимоверно велики как изливающаяся сила благодати, как ласка, посланная с неба на одно или на несколько лиц. А сила благодати полагает начало новым чувствам и новым делам. Заканчивая моё возражение, я прошу впредь очень извинить меня, потому что должен назвать предшествующее определение чуда еретическим и недопустимым, а многоуважаемым слушателям моим желаю на опыте почувствовать силу и значение чудес, которые и ныне щедро изливаются Всемогущим Господом Богом на верующих чад Его, так как Господь *и прежде и днесь всё Тот же*¹⁹.

Как сразу стало легко на сердце от этих слов, и как самый воздух показался насыщенным бодрящими силами!

Любезные хозяева поднялись и подошли к Митрополиту Владимиру, к представителям белого духовенства и к нам, прося откусать чашку чая. Затем всё пошло по обыденному руслу: встреча со знакомыми, обмен мыслями, разговоры и разъезд. И как пело сердце тех, кто всё слышанное о чуде хоть отчасти ощутил когда-либо в течение своей собственной жизни!

ВТОРОЙ СЫН. ДОРОЖНЫЕ ДАМСКИЕ РАДОСТИ И ЗАБОТЫ

– Дашенька²⁰, если уже заказывать пальто, то на этой подкладке. Взгляни, какая прелесть! Воображаю, как будет тепло. Интересно знать, не

¹⁸ Дэниел Данглас Хьюм (или Юм; 1833-1886) шотландский медиум-спиритуалист, помимо прочих «сверх способностей» слыл преодолевать земную гравитацию. Так, в 1852 г. в присутствии свидетелей он дважды взлетал к потолку, демонстрируя свою возможность левитации; Посещал Россию, показывая свои спиритические возможности на организованных А. Н. Аксаковым и А. М. Бутлеровым встречах, участие в которых приняли члены царской семьи и император Александр II. Был дважды женат на русских, во втором браке перешел в православие. См. Lamont Peter. The First Psychic. The Peculiar Mystery of a Notorious Victorian Wizard. Little, Brown. London, 2005; Вяткин Аркадий Летающий медиум Даниэль Хоум // Аномальные новости : газета. – 2011. – № 34. – С. 6–7.

¹⁹ Ср.: Евр. 13, 8.

²⁰ Речь идет об одной из сестер мужа. Фрейлинами в семье были: Александра Николаевна Лобанова-Ростовская (1868 – 1948), «Фафка» как ее звали в семье – детское произношение «Сашка», младшая сестра Ивана Николаевича Лобанова-Ростовского (1866-1947) и Ольги Николаевны ур. Лобановой-Ростовской (1863-1947; леди Эджертон во втором замужестве, основательницы Модного дома «Paul Caret» в

тяжело ли будет носить? Ведь это настоящий мех! Хочешь, войдем в магазин, спросим, сколько стоит?

– Да, и мне нравится, это что-то новое. Войдем.

Материя-мех оказалась последней новинкой и была выработана из лучшей шелковистой и легчайшей шерсти, незаменимой по теплу и удобству²¹. Мы взяли адрес магазина, затем сели в коляску Дашеньки и отправились к портному. Каждая из нас заказала себе по осеннему тёмно-серому пальто на этой подкладке, дав портному карточку магазина. Милая Дашенька была очень довольна. Она, наконец, нашла то, что ей было нужно: пальто должно было иметь свойства шубы, а внешность – корректного английского cover-coat²².

От портного мы поехали к Дашеньке во дворец, к чаю, и стали совещаться об отъезде. Дашенька была городской фрейлиной²³ обеих

Лондоне в 1919 г., филиалы которого вскоре были открыты в Париже и Каннах). Александра Николаевна – фрейлина обеих Императриц, а также с 1889 по 1891 гг. – фрейлина Вел. кн. Александры Георгиевны, с 1892 по 1901 г. – фрейлина Вел. кн. Елизаветы Федоровны.

Самая младшая из сестер: *Любовь Николаевна Лобанова-Ростовская* (Лэндфилд) (1881 – 1952) фрейлина Вел.кн. Марии Георгиевны и фрейлина Императрицы Александры Федоровны с 1899 года. В браке (1907) с профессором Калифорнийского Университета Дж. Лэндфилдом.

Видимо, «Дашенька» – *Любовь Николаевна*, поскольку далее, в гл. 6 говорится, что «она вышла замуж и уехала за границу». Александра Николаевна замуж не выходила.

Двоюродная сестра *Людмила Григорьевна Лобанова-Ростовская* (в зам. Балясная; 1860-1932) фрейлина Вел.кн. Елизаветы Федоровны.

Екатерина Александровна Лобанова-Ростовская (Эристова) (1858-?), в зам. с 1890 года с князем Б. Д. Сидамон-Эристовым (1860–1923.); фрейлина Вел. кн. Марии Павловны (Старшей).

А также фрейлины Императрицы Марии Александровны, супруги Александра II: *Мария Александровна Лобанова-Ростовская* (Урусова; 1853-?) замужем за князем В. Д. Урусовым (1838–1903); *Мария Михайловна Лобанова-Ростовская* (Скарятина), замужем за В. В. Скарятиным (1847–1919); *Ольга Михайловна Лобанова-Ростовская* (Околичани; 1858-1903), замужем за австро-венгерским дипломатом А. Околичани-и-Околична (ум. 1905)

²¹ Скорее всего, здесь описание *ватина*, завоевавшего рынок меховых изделий на целое столетие. Это нетка

ный или трикотажный материал изобретен во Франции как легкий утеплитель для рабочей одежды, а завоевал высший свет. Наименование от фр. слова ouatine («руно»), которым обозначали ватную ткань на сетчатой основе. Ватин чаще всего состоит из шерсти и хлопка и имеет пористую воздушную основу, по характеристикам схожую с ватой.

²² *Коверкот* – шерстяная материя [прим. автора]. Наличие новинки –теплой подкладки из ватина позволяло раскроенный по модели костюма коверкот использовать в качестве элегантной зимней одежды.

²³ Фрейлина (Fraulein) придворное звание девушек благородного происхождения, служивших при Императорском или Великокняжеском дворах. Свитные фрейлины обязаны были жить и постоянно находиться при Дворе, у городских фрейлин (их еще

Великая княгиня Елизавета Федоровна с фрейлиной княгиней Александрой Николаевной Лобановой-Ростовской, младшей сестрой мужа автора, князя Ивана Николаевича Лобанова-Ростовского

Императриц (что и обозначалось буквами на её шифре²⁴), но временно она состояла при одной и Великих Княгинь, недавно вошедшей в Русскую Царскую семью. Доброта Дашеньки была безгранична, как и любовь её к детям своего брата и моего мужа. Она не знала, как повеселить детей и чем порадовать их. Сама она ещё была очень молода, по нраву весела и по виду нарядна...

СНЫ И ЯВЬ

– Дашенька, я тебе не рассказала, какой я странный сон видела в феврале про Борянку? ...

– Нет, не рассказывала, – как-то без особого интереса ответила мне Дашенька.

– Спала я плоховато, под утро в седьмом часу проснулась с большим утомлением и думаю – может быть, ещё удастся заснуть. Только что закрыла глаза – вижу себя в деревне, в Рукавишниково!.. Стою я спиной к правому флигелю, то есть в профиль фасада передо мной весь главный подъезд и вдали левый флигель, а справа колоннада, большой дом и опять колоннада. Ты представляешь ли себе это, Дашенька? Но моим глазам виделось что-то странное: вместо нашей большой клумбы росла высочайшая великолепнейшая рожь, из неё выскочил мой Борянка и побежал, как он это всегда делал, представляя лошадку. Радостно, убегая на восток, он кричал мне: «Посмотри, мама, какие в большом доме животные». Я подошла к клумбе. Рожь изумительна. Она так густа и высока: более, чем на аршин

именовали: Фрейлины Высочайшего Двора) не было постоянных обязанностей. Последнее наименование часто означало признание заслуг их родителей.

²⁴ *Фрейлинский шифр* – золотой вензель, украшенный брильянтами и короной сверху, изображающий инициал Императрицы; двойной инициал (сплетенные инициалы действующей и вдовствующей Императриц); инициалы Великих княжон. *Быть пожалованной шифром* – получить звание фрейлины. Шифр носили на банте, соответствующем по цвету Андреевской голубой ленте (Орден Андрея Первозванного – высший орден Российской Империи). Прикрепляли с левой стороны корсажа.

*Фрейлина великой княгини
Елизаветы Федоровны княгиня
Любовь Николаевна Лобанова-
Ростовская, младшая сестра
князя И.Н. Лобанова-Ростовского
– на костюмированном балу.*

поднимается над моей головой. А колос
вершков семь длиной; зёрна же у него
огромные и плотно посаженные. Иду к
большому дому. Только вхожу в него, вижу –
огромная жаба невиданной величины и
омерзительного образа таращится на меня. Я
с ужасом убегаю в другую комнату, а там
заметался страшный, дикий чёрный кот. Он и
боялся меня, и старался укусить в то же
время. Я от него рванулась, но в дверях он
схватил меня за ногу, однако не укусил. В
ужасе я пронеслась через всю ширину дома
на другую его сторону. Тут меня охватила
полная тишина и спокойствие: у газона
стояла Маша²⁵, (ты помнишь Марихен,
бывшую горничную моей Мама́? Она
поступила в монастырь и приехала к нам
погостить, в деревню). В руках Маша
держала решето, наполненное правильно
нарезанными кусками белого хлеба. «Бог
послал овце ягнёнка, иду кормить его» –
мысленно как бы сказала мне Маша. Я
оглянулась: возле меня у самой стены дома
вижу – лежит большая белая овца, а возле неё

– большой белый ягнёнок. Тут я открыла глаза. Сон ли это был?

Всё так ярко, так отчетливо... Я, несколько раз себе его рассказывая,
повторила и думаю: «Это сон про Бороныку». Однако чувствую, что это
сон из тех, какие бывают только иногда в жизни, и всегда на
вразумление... «Верно, – думаю, – на Бороны именины или на рождение
что-либо обозначится». Но прошло и 16 марта и 24 июля²⁶, я всё ждала, но
ничего не случилось. Как ты этот сон понимаешь, Дашенька?

– Да что ты, Наташа, сон как сон; мало ли какую несуряницу во сне
видим, зачем ты об этом думаешь?

– Да думаю, Дашенька, и даже очень. У меня этот сон из головы не
выходит... Ты была девочкой двенадцати лет, а я только что вышла замуж
и видела тоже сон: точно наша речка в деревне, в Захарьино, куда, как ты
знаешь, мы приехали после свадьбы, – обратилась в огромный поток,
который пошёл с правой стороны, а по берегу потока стелилась зелёная
рожь, необыкновенно густая и сочная, и вся переливалась, точно зыбь на

²⁵ Монахиня Дугиненской обители, в 45 километрах от Калуги, игуменьей которой
была София (Гринева), что ясно из последующих глав.

²⁶ 16 (29) марта – день рождения «Бороныки»; 24 июля (6 августа) – празднование
мучеников благоверных князей Бориса и Глеба († 1015).

море. А через семь лет было получено наследство. И всякая мелочь и подробность, иносказательно показанная во сне, исполнилась наяву с изумительной точностью и красочностью. Но теперь я видела во сне не зелёную рожь, а спелую – жёлтую. И колосья у неё были полновесные и огромные... Положительно ничего не понимаю... Да ты смеёшься, Дашенька, над снами, а вместе с тем как ты объяснишь, что все в доме более или менее одновременно видели необыкновенные вещи?

Кроме Саши, из детей только Боря имел право один ходить по усадьбе. Садовник, все рабочие, сторожа, кучера, конюхи – были его приятели. Когда он приходил, то каждому помогал серьёзно и дельно. Умел он и запрягать лошадь в одиночку, и сам подавал к крыльцу одну из смиренных лошадей. Нравственная чистота ребёнка имела на всех своё особое воздействие, и рабочие рассказывали друг другу, как, например, нетрезвому скотнику Степану Боря сказал: «Зачем пьёшь, это грех, Бог этого не любит, береги денежки про чёрный день».

Борис Константинович был их радостью, их помощью, их бессознательным примирением. Он был соединяющим звеном между деревней и барским домом. На сенокос он не приходил зрителем, а чувствовал внутренним тактом, что не следует сидеть и смотреть, когда другие работают. Он взаправду работал, не покладая рук. Ворошил ли он сено в рядах, копал ли грядки – он понимал красоту и необходимость системы и порядка. Помогая метать скирды – дело трудное и далеко не простое, – он бывал полезен даже наверху, сразу поняв, как и что подсовывать и накладывать, чтобы выходил правильный скат. Боря бесконечно любил природу. Я чувствовала, что душа этого ребенка будет чисто русской, в лучшем значении этого слова, что он полюбит и поймет красоту русской жизни.

Про одну из таких красот, но особого свойства, много мне рассказывала моя свекровь, которая была духовной дочерью покойного старца, батюшки Амвросия Оптинского²⁷. Свою безграничную любовь к нему она всецело передала мне, поведав и о замечательных его беседах с нею. Я читала книги, им указанные и тянулась всей душой к нему, сразу почувствовав всё счастье личного общения с таким человеком: он мог ясно раскрыть и растолковать цель и смысл жизни, засорённой ненужными и вредными осложнениями, и противоречиями. Но старец, к несчастью, вскоре преставился. Заочно почерпнутый от него запас моих духовных знаний, как ни были они малы, я старалась передать моим детям. Однако, из старших – один только Боря, вливаясь в меня глазами, замирал от волнения и счастья, слушая меня. Особенно на него действовали рассказы

²⁷ Преподобный Амвросий Оптинский (Александр Михайлович Гренков; † 10 (23) октября 1891), один из самых известных старцев Оптиной пустыни, прообраз старца Зосимы в романе Фёдора Достоевского «Братья Карамазовы».

о Рождестве Спасителя, о житии Божьей Матери на земле, об ангеле-хранителе и о борьбе духов света с царём тьмы...

*Преподобный Амвросий
Оптинский*

Ещё вспомнился мне случай про Бороинку: эту зиму мисс Шафт как-то прихворнула, а мадам Вилетт необходимо было отлучиться. Я приняла на себя наблюдение за детьми, и со мною после завтрака остались Саша, Ксения, Боря и крошка Лена. Конечно, Саша тут же засел за чтение и, как всегда, был спокоен. Остальных я заняла рассматриванием картин и рассказами, но трудно было применить к различиям в возрасте и характере детей. Скоро Ксения стала шалить, другие нервничать. Всё это Бороинке сделалось неважно.

Вот я и взялась за последнее средство, сказав: «Дети, пойдёте наводить порядок в моих вещах». Они бросились с восторгом в мою спальню. Я отпёрла шифоньерку. Лене дала подбирать пуговицы, ленточки и прочие мелочи, а старшим открыла ящик с золотыми вещами. Не камни и не оправы, конечно, прельщали их, но те рассказы, которыми сопровождался осмотр каждой вещи.

Вот эта брошка от покойной тётюшки их отца; вдовы посланника Ribeiro da Silva²⁸ – и следуют рассказы об её жизни в Бразилии, вспоминается прочая семейная хроника, доступная детям. А вот кольцо моей прабабушки, маркизы Saint Sac de Traversay²⁹, сопровождаемое рассказами из французской революции: эпизод бегства прадеда и его семьи, жизнь уроками рисования прабабушки в Швейцарии, приезд ко двору Екатерины II и прочая. А вот маленькая заветная ложечка, подаренная бабушкой на мои крестины и рассказы о том, как я была маленькой. «Ну, теперь-то вы всё рассмотрели?»

²⁸ *Рибейро да Силва* (ум. в 1874 г.; Ribeiro da Silva) посланник Бразилии в России; был женат на Любове Алексеевне Лобановой-Ростовской (да Силва) (1818? – 1874), дочери князя Алексея Александровича Лобанова-Ростовского (1786-1848) и Александры Григорьевны, урожденной графини Кушелевой (см. след. сноску).

²⁹ *Иван Иванович де Траверсе* – Жан Батист Прево де Сансак, маркиз де Траверсе (1754-1831; Jean-Baptiste Prévost de Sansac, marquis de Traversay), бежал от французской революции; получил российское дворянство; адмирал Российского флота, командующий Черноморским флотом, первый губернатор Николаева, морской министр России в 1811-28 гг. Его внучка, графиня Александра Григорьевна Кушелева (1796-1848) вышла замуж за Алексея Александровича Лобанова-Ростовского (1786-1848). А.А. Лобанов-Ростовский – дед мужа повествовательницы.

*Маркиз Иван Иванович де
Траверсе, адмирал русского
флота*

*Александр Александрович
Лобанов-Ростовский с супругой
Александрой Григорьевной,
внучкой адмирала де Траверсе*

Вдруг крошка беленькая Лена пролепетала: «Мама, покажи, что дашь, когда мы будем большие». «Ну, выбирайте, дети, сами, что каждому нравится». Но это оказалось трудным, и я стала указывать то на ту, то на другую вещь, медленно перечисляя: «Вот это Ксении, это Саше, это Лене, а это невесте Бориньки». Вижу, он сделал такое сосредоточенное, серьёзно-озабоченное личико и говорит: «Тебе, мама, трудно; у тебя детей много. Я сам заработаю своей даме». Я молча обняла его...

НЕОТВРАТИМОЕ

Незаметно в своих мыслях я перешла на себя самоё. В духовной жизни я была тогда, как почти каждый человек, достаточно одинока. Семья, свет, родня, знакомые, переписка, деревня, администрация дома и прочее было одной стороной жизни, исполнением иногда приятного долга, а иногда и необходимости. Это первое не лишено было и радостей, но радости эти были кратковременными и беспокоящими, так как результат их терялся в неизвестности. Вторая же сторона жизни было то другое – заветное: трудное продвижение к двери, только приоткрытой старцем. Она найдена, и это одно уже было большим счастьем, но найдена она ошупью и в темноте, и какая темнота! Жизнь держит клещами в своих рамках попавшего к ней. Условность светской жизни с её подражаниями во всех областях более «культурным» странам, нелепейшие моды, противоречащие климату и здравому смыслу, и прочие затеи из человека делают раба, хотя бы и вполне сознающего свою рабскую долю. Чем сильнее было сознание всего этого, тем радостнее было хотя мгновениями бросаться к заветной двери...

Мы дали Боре Доверов порошок. Поздним вечером жар поднялся у него до 38, и ощущение камня на груди всё продолжалось. Ночью Боринька часто просыпался, спал очень тревожно. Утром четвёртого у него появилась тяжесть дыхания. Погода несколько прояснилась. Григорий выехал с фельдшером рано и повёз в Сафроново от меня письмо к доктору.

О городе трудно было и думать. Утром я пошла проведать мамá; она совсем уже не кашляла, собиралась днём навестить внука и очень сожалела, что он прихворнул. Вернувшись, я застала следующую ужасную картину: Борянка лежит в полузабытье. Феня, сменившая мисс Шафт, сидит тут же. Бледные ручки его лежат ладонями вниз, и он бессознательно скребёт пальцами простыню, а сам так тяжело дышит. Что это? Что это значит? Господи, хоть бы доктор скорее ехал. В это время все пошли завтракать, а я вышла в одном платье на галерею и часа два ходила взад и вперед, как запертое в клетку животное, не чувствуя ни усталости, ни холода. Когда я вновь вернулась в комнату, то Боря был уже в сознании.

– Борянка, что ты чувствуешь?

– Мне тяжело дышать, мама, у меня камень на груди, – и он сорвал что-то, чем было завязано его горло.

Опять я посмотрела горло, и опять в нём ничего не было видно.

Ещё дала я ему порошок и тёплого молока с мёдом, которое он так не любил. А Боря всё повторял: «Дайте успокоиться...»

Жар у него был незначительный, но бледность и выражение тоски на лице всё увеличивались. Маша позвала меня и просила, чтобы я хоть немного поела. Я пошла в столовую. Почему-то вот уже более двадцати лет не могу забыть, что одним из блюд была брюссельская капуста с гренками. Но для моего сжатого тоской горла и капуста казалась камнем; и я ничего не могла проглотить... У меня тоже лёг тяжелый камень, но не на грудь, а на сердце. В шестом часу, когда зажгли уже лампы, приехал доктор. Я приняла его рядом с гостиной и рассказала о ходе болезни. Затем мы вошли с ним в спальню. Одновременно Борянка вскочил на ноги и во весь рост стал в кровати, рукою срывая ворот рубашки. Выражение глаз его было ужасно... Он начал задыхаться... Это было первое видимое проявление его непонятной болезни...

– Господи, отдай мне Борю, сотвори чудо, не бери его, Господи, милосердный Господи, помилуй и спаси его! ... – так лепетали губы, а сердце тосковало и разрывалось на части...

Когда я вернулась в свою комнату, Борянка тихо угасал, и доктор сидел в его ногах. Я не знала, что придумать; думая, что это его освежит, я стала мочить в холодной воде полотенце и покачивать им, уже выжатым, над головой сына. Так я продолжала целый час... но чудные глаза Бори стали останавливаться, уже не видели... Я поднесла лампу: из чёрных – глаза стали совершенно светлыми... дыхание делалось всё реже...

Меня вдруг осенила мысль:

– Доктор, могу я дать сыну вина? У меня есть первокачественное валлийское вино...

– Очень хорошо, только скорее давайте.

Церковь в подмосковном имении Лобановых-Ростовских Лобаново-Троицкое

Маша и Семён моментально бросились вниз в погреб и через пять минут принесли бутылку. Разжать зубы Бороиньки было очень трудно, вливали вино капля по капле... Наконец, мы влили ложку, и он зашевелился! Затем мы влили другую, третью, – он стал подниматься, а после целой рюмки вдруг сел на кровати.

– Ах, как хорошо, я ведь выздоровел, – сказал Бороинька совсем нормальным голосом. Куда девались окостенение языка и слабость.

– Что это, доктор?

– Это реакция болезни, перелом,

которого я и ожидал. Поздравляю вас...

– Бороинька, что ты, куда?

– А я одеться хочу – ответил он и, с энергией совершенно взрослого и здорового человека, стал одевать принесённый по его желанию матросский костюм с длинными брюками, без всякой посторонней помощи...

У всех отлегло от сердца. Глядя на него, все ещё раз друг друга поцеловали и разошлись. Наше состояние было равносильно чувству помилованных пред казнью.

Когда мы остались одни, Бороинька мне сказал:

– Что это со мной было, ведь мои глаза ничего не видели, всё было темно предо мною?

– Это бывает, мой Буренький, когда кровь отливает от головы.

... ВЫРВАЛ СЕРДЦЕ?

А у самой у меня было полное сознание, что после причастия подходила тихая и торжественная смерть, но всё же смерть...

Прочь, прочь, страшное, ужасное видение! Это невысказано, чтобы Господь вырвал моё сердце! Он только хотел показать, что означает истинное горе, но, конечно, отвел Свою руку...

«Но чем же ты лучше других матерей? Почему же тебя надо миловать?» – спрашивал меня внутренний голос. «Только по безграничному милосердию Божьему», – был мой ответ...

Боря заснул, а я точно провалилась в тёмную бездну, – так спят только после тяжких потрясений.

Я пробудилась от внутреннего нервного толчка, и мне казалось, что прошло лишь пять минут. Мои часы показывали семь часов и уже светало. Через секунду я овладела действительностью и повернула голову в сторону Бори. Он сидел без кровинки в лице – точно восковой, с тусклым потухшим взглядом и тоскою в лице. Затем вдруг он заметался:

– Мне тяжело дышать, мама, воздуха, воздуха!..

– Ваше сиятельство, что-то господин доктор мелко пишет, не разберу.

Записку, видимо, привёз из Сарафанова Фома, и я не забуду её содержания, сколько ни проживу на свете: «Иван Иванович, когда мальчик умрёт, приезжайте немедленно с ингалятором, он здесь необходим. Захватите все остальные принадлежности, привезённые мною». Следовала подпись. Нож пронзил моё сердце и переворачивался в нём.

...О, Господи, дай сил! Значит он приговорён!.. Зачем же город, какая это трубка для горла? ...Нет, я вырву его у второй смерти! Боже, не оставь меня! Лишь бы мальчик ничего не заметил...

– Доктор просит привезти ингалятор и всё прочее, когда здесь окончится помощь, – ответила я фельдшеру.

– Да уж, известно, не забуду, – ворчливо, по адресу доктора, ответил фельдшер и мы приступили к ингаляции...

Боря всё слабел, но ничем не выражал каких-либо признаков страдания: его восковые ручки тихо лежали по сторонам. Ноги и всё его тело до груди стало ледяным... Глаза совершенно были закрыты...

Вдруг затрепетали веки, затем усилие, и они поднялись... Но на нас глядели ничего не видящие, совершенно светлые глаза... Боже мой, Боже, ведь это смерть вторая... ведь это те же глаза. Я поспешила закрыть веки, чтобы избавить его от вторичного сознания, что он ничего не видит... ведь он всё понимал и, со страшным усилием, но исполнил мою просьбу...

Около него, справа, стояла его Маша, сама скорее мёртвая, чем живая. Бессознательно движимый какой-то силою, в открытую дверь вошел Семён. Казак рыдал.

Дыхание прекратилось... Пробило половина одиннадцатого. Огромный сноп солнечных лучей разорвал тучу и осветил Бороиньку. Первое солнце за десять дней. После большого промежутка мы услышали последний вздох.

Бори не стало.

Все опустились на колени, и я почувствовала удар по голове, словно балка упала на меня, а внутренний голос мне сказал: «Вот твой сон»...

Бабушка не знала о ком плакать: – об ушедшем внуке или об убитой горем дочери...

СКОРБНЫЕ ХЛОПОТЫ

Дорогие матери и отцы, терявшие и теряющие детей, к вам я обращаюсь: кто бы мы ни были с вами, мы сплочены в один союз.

Мимолетный взгляд друг на друга нам достаточен, чтобы понять друг друга. Это горе одинаково чувствуется у каждого народа и в каждой стране, поэтому между нами, на этой почве, не может быть недоразумений.

Вы знаете, что значит видеть своё дитя одетым, причёсанным, ставшим почему-то огромным, лежащим торжественно на возвышении и слушать, как тихо читают над ним псалтырь.

Потому вы поймёте, что я переживала, когда составляла телеграмму, чтобы вызвать отца, ничего не подозревавшего об ужасе, который предстоит ему пережить; когда телеграммой выписывала гроб из Москвы; когда должна была назначить день отпевания и похорон; когда, наконец, письмом я должна была отменить ожидаемый приезд доктора. Через всё это надо было перейти, и я переходила...

Боря лежал в гостиной, как живой. Первые два дня лицо его было серьёзно и скорее скорбно, но на третий день дивная улыбка заиграла на нём...

В нашем флигеле все говорили шёпотом, зеркала гостиной были завешены. Я не могла молиться, страшный, невыразимый протест овладел мною. Я была убита, как мать, прежде всего; но, кроме того, мне казалось, что я поругана пред всем светом, так как лучшее и самое драгоценное отнято от меня. «Как жить? – думала я и говорила Маше – если улыбка жизни взята у меня...»

– А как живут другие матери, Ваше Сиятельство? Ведь не у Вас первой и последней взят теперь лучший ребенок. Господь всегда берёт лучших, а не худших. Господь берёт поспевших, но Он часто берёт не предупреждая, а Вас предупредил Милосердный Господь Бог о Своей воле дивным сном. Вспомните только, как велик был колос и насколько выше Вас была рожь... Вспомните, как покойный радостно убегал на восток. Наступит время, и Вы будете благодарить за всё это Бога.

Так повторяла мне Маша в немногие минуты, когда я или не рыдала, или не хлопотала, а только протестовала всем существом моим против совершившегося. К тому же на меня находила непостижимая спячка, как реакция нервного потрясения и постоянного ощущения близости сумасшествия. Этот глубочайший сон продолжался несколько часов и походил на летаргию...

Даже старичок-батюшка, так любивший Борю, что плакал, когда служил о нём панихиду, и тот не находил нужных слов, которые дошли бы до моего сердца...

Уже одетая, я первый раз за это время взглянула на себя в зеркало: оттуда на меня смотрела старая женщина. Эта женщина уже знала, что значит горе... А знала ли я его раньше? Конечно, нет. Я знала неприятности, может быть, и крупные, которые чередуются с радостными минутами, как серенький день с солнечным, но беспросветного горя я не знала...

А без этого не суждено нам, грешным, перейти поле жизни: мы должны познать на опыте, что нет пропасти на земле, куда бы ни проникал свет Господа Бога нашего...

Князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский, муж автора

Я не могла молиться. Упрёки душили и терзали меня. Зачем ты сказала ему брать *tub*³⁰ в холодной комнате? ...Зачем ты не сдержала слова, данного Соне? ...Зачем ты не посмотрела, что у полушубка неплотно застёгивается ворот? ...Зачем ты сейчас же не послушалась Дашеньки и не послала за доктором в город... – он привёз бы прививку..., и прочие упрёки, один другого ядовитее и болезненнее, уязвляли меня... Наконец, панихида окончилась...

Вечером я долго рассказывала Косте³¹ о ходе непонятной болезни:

– Это глубоко сидевший дифтерит бронхов, – высказал он своё предположение – ведь у дочери скотницы Марии тоже дифтерит, но девочка, слава Богу,

выздоровливает. Надо позаботиться о других детях, предостеречь хоть их от заразы.

Затем я сказала Косте о моём желании после похорон, восьмого октября, в Москве, поехать с Машей в Боровск в Обитель Святого Пафнутия к её старцу Архимандриту Бенедикту³².

³⁰ *Tub* – большой резиновый таз-ванна [прим. автора]

³¹ Под этим именем подразумевается князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский, муж повествовательницы.

³² *Рождества Пресвятой Богородицы Пафнутьев-Боровский монастырь* был основан в 1444 г. преподобным Пафнутием Боровским († 1477). В XIX в. монастыри Калужской епархии находились под духовным окормлением Оптиной пустыни, старцы которой благословляли многих своих воспитанников быть настоятелями и духовниками в этих монастырях.

Так и *архимандрит Венедикт* (в тексте «Бенедикт»), духовное чадо прп. Амвросия Оптинского, был назначен в 1903 г. настоятелем Пафнутьев-Боровского монастыря Калужской епархии и благочинным монастырей Калужской епархии. Схиархимандрит Венедикт (Дьяконов; ? – 1915) окончил Смоленскую Духовную семинарию; до 1884 г. священник с. Чеботова Дорогобужского уезда Смоленской губернии. Овдовев, в 1884 г. стал послушником Оптиной пустыни; в 1887 г. пострижен в монашество, был секретарем преподобного Амвросия Оптинского (см.: Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия / сост. схиарх. Агапит (Беловидов). 2-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. С. 163-164).

– Хорошо, поезжай, а я приготовлю всё к твоему приезду: переведу всю семью и всех из большого дома во флигель и займусь детьми... О них надо думать и их надо сохранить...— закончил Костя.

*Князь Иван Николаевич и княгиня Вера Дмитриевна
Лобановы-Ростовские*

Затем он стал молиться, а я вышла. Ещё и ещё резали мне душу упрёки... Маша старалась утешить меня.

– Господь явно же Вам указал пророческим сном, что Его Святой воле было угодно взять Вашего сына, также и то, что искуситель будет мучать Вас двояко. Вот Вы и видели двух зверей. Один зверь – это

упрёки о простуде, а другой зверь – упрёки о неумении лечить. К тому же этот зверь хотел ещё укунить Вас, то есть он будет стараться умалить веру Вашу в то, что волос с головы Вашей не может упасть без воли Отца Вашего Небесного... Вот князь, на что любили сына, а сейчас же подчинились воле Божьей. По-вашему, Ваше Сиятельство, выходит, что Мария, скотница, умеет лечить, что она вовремя доктора позвала и оттого её Маруся выздоравливает, а Вы не умеете, верно, а потому Ваш сыночек скончался. А у царей, уж, кажется, докторов много, а разве дети их не умирают?

– Меньше, Маша, чем в народе.

– А зато в народе и рождаются больше, – не унималась Маша, возражая мне по силе своей любви и жалости ко мне. На этом, вся истерзанная, я погрузилась в мой каменный сон.

«НЕ ВОРОШИТЬ НАМ БОЛЬШЕ СЕНА С ТОБОЙ...»

Наступило седьмое октября. Открыв глаза и придя в сознание, я поняла, что сегодня надо добираться до вершины душевных мук: надо видеть любимое своё дитя уходящим навеки из родительского дома. «После этого возможно уже вынесение и отпевание, и погребение», – думалось мне. Наш крестный путь доходил до тягчайшей минуты: весь дом заполнили служанки и крестьяне. Вынесли. Обедню служили соборно оба священника. У отца Матвея, тоже в своё время испытывавшего подобное же горе, всё время службы прерывался голос от слёз... Потому не он, а младший священник села нашего вышел сказать слово:

– Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Досточтимые родители и возлюбленные братья и сестры во Христе, к вам я обращаюсь с кратким словом моим. Среди вас вырос, ныне в Бозе усопший, отрок Борис. Мы все

знали и все любили его. Этот отрок подобен чудному хлебу, выросшему во дворе Отчем. Когда хлеб поспел, Божественный Жнец снял его и унёс в свою житницу³³. Нам ли неумеренно предаваться скорби и печали. Ведь после первородного греха, принёсшего смерть на землю, смертью уходят в вечность и праведники, и грешники. Праведный отрок этой же смертью, этой же дверью был отозван от нас, так как иного пути на небо не существует. У нас проводы, а там радостная встреча. У нас прощание, а там ангельское приветствие. Да не отягчится сердце наше неумеренной скорбью, которая бы омрачила ликование отрока. Не будем забывать, что мы христиане, и что смерть есть для нас лишь временная разлука, а жизнь сего отрока прошла пред нами для нашей пользы и назидания. Помолимся же об упокоении души усопшего раба Божия отрока Бориса, чтобы и он помянул нас пред Престолом Всевышнего, когда вселится в селения праведных. Аминь. Да будет так, – закончил батюшка.

«Откуда это священник знает про сон? – думалось мне. – Ведь я не рассказывала ни ему, ни отцу Матфею... про мой сон. Да никто и не интересуется им. Чудно что-то. А может быть, Сам Господь внушил батюшке сказать это слово?» – пронеслось в моём сердце...

Наконец, мы подъехали к вокзалу и направились к вагону; в это время крестьяне устанавливали в него гроб.

– Прощай, прощай, Борис Константинович. Не ворошить нам больше сена с тобой, не метать скирды... Царствие тебе небесное, дорогой ты наш, – говорил седовласый крестьянин; он несколько раз перекрестил вагон и смахнул набежавшую слезу...

Затем последовал приезд в Москву, встреча гроба, лития, второй крестный путь – бесконечная дорога к Новодевичьему монастырю, опускание гроба в могилу, первый удар земли о крышку, с этим незабываемым ужасным звуком....

Да, более изощренной пытки, как материальная сторона всего того, что следует за смертью, не может быть, думала я в своем протестующем и мятущемся сердце...

Сама же я собиралась уезжать с вечерним поездом в монастырь, куда неудержимо рвалась моя душа...

Я чувствовала, что собственными силами не встану на ноги. Наоборот, погибель моральная, физическая поджидали меня, если я не найду себе крепкой и надежной опоры.

– Вот Вы увидите, Ваше сиятельство, – говорила Маша, – как утешит Вас архимандрит Бенедикт³⁴. Я так молила Бога, чтобы Ваша первая

³³ См.: Ин. 4, 35-36.

³⁴ *Архимандрит Венедикт* (Бенедикт) был воспитанником Оптиной пустыни, письмоводителем прп. Амвросия Оптинского. В свое время семья Лобановых-Ростовских была близка к старцу Амвросию. Приезд княгини в Пафнутьев монастырь к

поездка к старцу была Вам на пользу... Земная тина уж больно засасывает нас... За то, что Вы всегда тянулись к Царству Небесному, Господь позвал Вас на работу и дал знать, что пора, мол, настоящим образом взяться за дело...

– А почему Господь отнял у меня воздух, которым я дышала? ... Сам Он дал мне такого сына, а когда я всей полнотой любви моей привязалась к нему, Господь так утончённо покарал меня, поставив в такое положение, что я сама считаю себя виноватой в смерти сына, сначала простудив его, а потом не умея и вылечить. Да, нельзя было посмеяться утончённее и больнее...

СЛОВО УТЕШЕНИЯ

В келью вошёл отец архимандрит. Я подошла под благословение и сразу почувствовала себя совсем маленькою. Он был высок и скорее полон. От сановитой внешности его веяло отеческою ласкою и добротою. Умные, проницательные глаза его всё видели, всё понимали, а потому умели и прощать. Они выдавали большой житейский опыт и большую, не от мира сего, мудрость.

– Счастлив я, что Вы, княгиня, после посещения Вас Господом Богом, приехали в обитель, а не искали утешения в чём-либо ином. Вот и матушка Вашего супруга, княгиня Елена Сергеевна, во вдовстве своём и горе находила великое утешение в беседах с покойным старцем, батюшкой иеросхимонахом Амвросием Оптинским. Завтра исполняется двенадцать лет, что и я потерял в нём и старца и великого благодетеля. К знаменательному дню Вы приехали к нам. Мы будем молиться о почившем дивном старце, помолимся и о сыночке Вашем. Расскажите мне о своём горе.

Всё, что было у меня на душе, вылила я старцу. Рассказала о сыне, о сне, о двукратной смерти, о проповеди, о моих терзаниях и сомнениях, о Маше...

– Дорогое дитя, теперь и Вы меня выслушайте. Вы не потеряли сына, а обрели его. Он будет переходить от света к свету и предстательствовать за Вас пред Господом Богом. Люди теряются не на небе, а на земле в великих бурях житейских. Настанет время, когда Вы меня поймёте и будете благодарить Господа за то, что Он укрыл сына Вашего. Бог есть Любовь и огонь всё пожигающий. Над людьми смеётся лишь сатана – он *лжец и отец лжи*³⁵. Это он распаляет сердце Ваше и терзает его сомнениями. Сатана видит, что Вы всегда искали Господа Бога, и теперь, в минуту испытаний, когда Вы заколебались, он хочет вытравить Имя Божие из сердца Вашего.

архимандриту Венедикту, 9-10 октября 1903 г., совпал с 12-й годовщиной со дня преставления преподобного.

³⁵ Ин. 8, 44.

Молитвой и постом отгоняйте супостата. Любовь к Богу есть величайший дар, который подаётся людям Самим же Господом Богом. Старайтесь вымолить у Бога этот дар. Тоску сердечную выбивайте молитвой Иисусовой. Творите её, когда можете: и сидя, и лёжа, и в путешествии, и у себя дома. Если удастся по обстоятельствам, поживите сосредоточенно в деревне. Читайте Священное Писание, обдумывайте прочитанное и старайтесь понять, что Сам Господь Вас призвал: *где сокровище ваше, там и сердце ваше*³⁶... А вот что я расскажу Вам про самого себя: было это лет тридцать тому назад – я был приходским священником, имел любимую жену и двух малых детей. Сначала Господь взял у меня детей, а в скором времени и жену. Затосковал я невыразимым образом, а по сану своему должен был сам подавать утешение людям. Меня грызла непрекращающаяся тоска по жене и детям. В таком состоянии пришёл я к старцу Амвросию, похлопал он меня рукою по голове, да и говорит:

– Вот ты каков, а ещё священнослужитель! Что мне с тобою делать? Становись на молитву – утром, вечером и днём, говори так Господу: «Ты видишь меня, Господи, весь я пред Тобою, *трость, ветром ломимая*³⁷, изгибаюсь я весь под тяжестью скорби моей и боюсь я сломиться. Не смею просить, а прошу, не смею молить, а молю: покажи мне, Господи, где находятся жена мои и дети? Господи, прости и помоги! Но *да будет воля Твоя* во всём, Господи, *а не моя*³⁸». И не даст тебе Господь видеть, – смирись: не смеем мы этого просить у Бога. По малодушию твоему разрешаю я тебе. А увидишь что, – приди и расскажи.

И стал я молиться, как заповедал мне старец, и увидел в тонком сне жену и детей – рассказали они мне про райские обители и про радость свою. По молитвам старца горе моё с тех пор как рукой сняло. Принял я тут монашеский чин и благодарю Господа по сей день за милость его ко мне, грешному. Так и Вам заповедываю: молитесь и Вы, как учил меня старец: «По малодушию моему, Господи, подай увидеть мне сына, но да будет во всём воля Твоя, Господи, а не моя». Если и не подаст Господь просимое, не унывайте – в иных путях может Господь утешить Вас. Вот так-то, дитя моё: да будет милость Божия с Вами...

МОНАСТЫРСКАЯ ТРАПЕЗА

...вошёл отец гостинник с послушником. Они начали накрывать на стол и принесли обед.

– Повар у нас отменный, испробуйте, матушка княгиня. Он от князей Щербатовых, недалеко тут от нас их поместье. Лет двадцать пять у них

³⁶ Мф. 6, 21.

³⁷ Ср.: Мф. 11, 7.

³⁸ Ср.: Лк. 22, 42.

жил, а потом потянуло в обитель, вот и спасается у нас, несёт кухонное послушание....

– Для дорогой гостьи повар особенно приготавливал. Покушайте, Ваше Сиятельство, подкрепитесь. Вы ведь эти дни к еде и не прикасались. В обители огонь для печи берётся по благословению, от лампады, и всё затем готовится с молитвою и душевным расположением, оттого и вкус бывает особенный, – говорила Маша.

Я молчаливо согласилась, и мы стали обедать. И правда, монастырь ли тут был причиною, повар ли, а только по вкусу такого обеда я никогда не ела и есть, наверное, больше не буду, так как впечатления редко когда повторяются. Сначала был постный борщ и пирожки с кашей. До сих пор помню легчайшее калачное тесто пирожков, наподобие филипповских³⁹, но не такое! Затем была жареная рыба с картофелем и солёными огурцами, а на сладкое – овсяный кисель с медовою подливкою. Этот кисель возбуждал во мне всегда тихий ужас, когда я видела его у людей, но то, что подали тут, было утончённейшим блюдом и по вкусу, и по виду. Маша по-детски обрадовалась, что мне всё так понравилось.

– Вот видите, что значит обитель! Ведь мы находимся под кровом, где почивают святые мощи⁴⁰. Сегодня Вы в первый раз подкрепились. А то воск, и то Вас краше. Теперь отдохните немного. И я прилягу – только уберусь. А потом пойдём обитель осматривать.

Я рада была погрузиться в небытие – каменный сон опять овладел мною.

МОНАСТЫРСКИЙ ОБИХОД

Гостиница наполнялась монашенками и всяким простым людом. Видя, как они прибывают, отец гостинник заметил:

– Вот батюшкину старческую руку почуяли, идут на окормление... А что в Оптиной делается! Замучает, бывало, народ батюшку, так он еле живой от них уходит.

Мы переходим в другой корпус – всюду седая старина, толстейшие стены, веет особою, своеобразною тишиною.

– Тут вот келья старичка-иеромонаха; он спасается здесь: отчитывает бесноватых и порченных, помогает народу. Многих несчастных вылечивает.

³⁹ *Пирожки наподобие филипповских* – булочные И.М. Филиппова (1824-1878) и его наследников (в указанное время фирма называлась «Торговый дом братьев Филипповых»), в пекарнях которых пекли не только хлеб, калачи, бублики, но и пироги с разнообразной начинкой по особым рецептам, считались лучшими и образцовыми изготовителями выпечки.

⁴⁰ *Преподобный Пафнутий Боровский* был прославлен в лике святых в 1547 г. Его святые мощи почивают в главном храме обители – соборе Рождества Пресвятой Богородицы.

Чрез полуотворённую дверь кельи доносились слова молитвы об изгнании бесов. Особенность и сила слов молитвы, а также присутствие безумных с их провожатыми, усиливали впечатление. Мне казалось, что время отодвинулось на две тысячи лет назад.

– Вам, матушка, это на диво, а мы столько чудес видим, что уже и не удивляемся, а знаем, что: «*Господь близ нас есть*⁴¹».

В келью к старичку-иеромонаху вели другую больную.

– Так замучается бес молитвою, что иной раз после первого причастия отходит совсем, но, во всяком случае, всегда притихает, а то, большей частью, изгоняется после нескольких раз. Вот завтра сами, матушка княгиня, увидите: к Чаше подводить будут бесноватую... Ведь с иной еле-еле десять человек управиться могут. Силища у них какая! А иная больная, что твоё пёрышко, откуда только сила берётся...

Мы пошли дальше. К нам навстречу по коридору шёл небольшого роста мужичок. Глаза у него были прищурены, и весь он, казалось, порос мхом. Мужичок низко поклонился отцу гостиннику:

– Здорово, дядя Филипп, вот расскажи матушке княгине про твои глаза.

– Да что, матушка, моё дело самое обыкновенное. Родился я слепым, жил больше Христовым Именем, себе и людям в тягость. Вот батюшка, отец Лев, всё это знает. А тут на Ильин день пришли к нам старушки-богомолки. Шли они поклониться новому Преподобному⁴² батюшке отцу Серафиму, да и говорят мне: «Ты всё равно не работник, пойдём с нами, мы тебя до Успения доведём, может, у Преподобного ты и прозреешь». А у меня как упала надежда в сердце, так и стал я сам не свой. Бог помог: где проехали, где прошли, а у меня в сердце всё слаже, да слаже. И добрались мы, наконец, до святой обители⁴³. У Преподобного я и выкупался в его источнике – глаза водою мыл, к мощам прикладывался и глаза мантиею вытирал. Что Вы думаете? С глаз стала сходить словно пелена за пеленою, а как блеснул в первый раз свет, то уже не тому свету я рад, а тому, что Господь меня вспомнил. И пошло – что дальше, то больше свету. Вот и стал я всё видеть, правда, как чрез кисею, а – вижу! И даром хлеба не жую, и дома кое-что подсобляю.

⁴¹ Флп. 4, 5.

⁴² *Преподобный* – особый разряд святых, совершивших духовный подвиг в монашестве. *Новым* называют его здесь, поскольку от его канонизации в 1903 г., на которой настоял лично император Николай II, до описываемых здесь событий 1913 г., прошло 10 лет.

⁴³ *Серебряная рака* (дар Государя Николая II) со святыми мощами прп. Серафима Саровского была установлена в Успенском соборе Успенской Саровской обители, расположенной на границе Нижегородской и Тамбовской губернии при слиянии рек Саровки и Сатиса. Путь до Сарова занял у богомольцев около месяца: с 20-х числе июля (после открытия мощей) до праздника Успения Пресвятой Богородицы 15 августа по ст.ст. Ныне честные мощи прп. Серафима Саровского пребывают в Троицком соборе Серафимо-Дивеевского монастыря.

Я глубоко была тронута этим рассказом, поблагодарила за него мужичка, помогла, чем могла, и поздравила с исцелением.

– Батюшка, да ведь это исцеление, как во времена Иисуса Христа, – сказала я, когда мы отошли. – Я никогда не думала, что в наше время слепорождённые могут прозревать.

– Что Вы, матушка! Да ведь Господь всё *Тот же*⁴⁴! Люди только другие: не верующие, холодные, озлобленные. Только в народе и теплится вера, да и то не сильная. За это отступление – старцы, наши Оптиные, говаривали, – быть беде на земле Русской.

Он вздохнул, а мы шли всё дальше и дальше, осматривали святыни монастыря, древние его части и новейшие пристройки.

«ВРАГ НАПАЛ НА МЕНЯ...»

К шести часам ударили в колокол, и мы пошли в тёплый зимний храм. Он содержался с великою любовью, с безукоризненною чистотою и тщательностью, что проскальзывало во всякой мелочи. Всё время, несмотря на виденное и слышанное, мысль о сыне не покидала меня. Я чувствовала, что во мне началась новая двойственная жизнь: во первых – переживание воспринятых извне впечатлений, а во вторых – постоянная мучительная, томящая жизнь терзаний и воспоминаний. Эта вторая жизнь ни на минуту не прекращалась, а, наоборот, томила, давила и душила меня. Несмотря на это, я решилась молиться, как заповедал мне старец.

Всенощная с парастасом⁴⁵ началась. Отец архимандрит служил соборно. Было очень торжественно. Прекрасно звучало пение монастырского хора. Враг нападал на меня изо всех сил, молитва была холодна, и я каменела в моём горе. После богослужения пришёл к нам в келью послушник и прочёл вечернее правило... А затем, когда все разошлись, я впала до утра в мой спасительный, непробудный сон...

Колокол ударил к обедне, и мы с Машей пошли в храм. Туда же двое сильных крестьян вели бесноватую, – сзади шла родня. Больная упиралась, временами произносила хулу на Господа, плевалась и кричала. Однако её удалось ввести в храм, и она утихла. Церковь быстро наполнялась людьми. Тут были: и степенная братия, и духовные дети отца архимандрита, и почитатели покойного старца отца Амвросия Оптинского.

Началась Литургия. Мгновениями и в мою душу проникал свет, но тотчас же и угасал от не покидавших меня ни на секунду терзаний. Во время малого выхода снова слышались возгласы и крики бесноватой. Время приобщения Святых Таин надвигалось. Я молила Господа пощадить

⁴⁴ Ср.: Евр. 13, 8.

⁴⁵ *Парастас* (греч. «ходатайство») – Великая панихида – заупокойная Всенощная по всем усопшим православным христианам; совершается на Всенощном бдении *родительских суббот* (особых дней поминовения усопших).

меня, угасить огонь мучений моих, и мне удалось подойти к Чаше с некоторою тишиною в душе. Искра надежды на секунду опустилась ко мне, когда после причастия я возвращалась к своему месту с умилением в сердце, несмотря на нападки врага.

–Зачем гонишь меня? Не терзай меня! Никуда не уйду! – неслись вопли бесноватой.

Её подвели к Чаше. Из рта шла пена, лицо перекошилось... Она вырывалась из рук восьми мужчин, державших её очень крепко. Временами она падала на пол, и голова её, ударяясь, издавала звук камня, падающего на металл: казалось, что череп от такого удара должен разлететься на тысячу кусков.

Отец архимандрит бесстрастно ожидал с Чашею. Ему, верно, часто приходилось видеть такие картины...

У самой Чаши вопли, хула на Господа и крики дошли до своего предела... Бесноватую сковали железные руки державших её, чтобы она не выбила Чашу. Женщины открыли ей рот ручкой ложки, заранее, наверно, приготовленной. Отец архимандрит быстро приобщил её... Все мужчины разом отступили: на руках у женщин полулежала кроткая, тихая, милая молодая девушка. Она была очень слаба и часто дышала. Её отвели в сторону и усадили на скамью.

«Так вот как меняется человек, когда терзающий враг отступает, – думалось мне. – О Господи, отведи его от меня, помилуй меня». Но не тут-то было: он жёг и резал душу воспоминаниями.

Началась панихида. Как близок был мне дорогой покойный батюшка Амвросий! Через него изливались чудеса на семью моего мужа, моя свекровь постоянно рассказывала об этом. Батюшка умер в первые годы моего замужества, оплакиваемый всей нашей семьёй. Его-то и стала я молить помянуть моего сына и меня пред Престолом Всевышнего.

Меня преследовал ещё особый вид мучений: я представляла одиночество и холод могилы, которые чувствовал мой сын. Нелепое и тяжёлое мучение, которое враг насылал на меня. Молитвы об упокоении «раба Божия иеромонаха Амвросия» сплетались с молитвой о «новопреставленном отроке Борисе»...

АРХИМАНДРИТ О «СОННЫХ ВИДЕНИЯХ»

– Рад я с Вами побеседовать ещё раз пред Вашим отъездом, княгиня... Покойный батюшка, отец Амвросий, был очень близок к Вашей семье, и вот Господь привёл и Вас к такому знаменательному дню в нашу обитель. В двенадцатую годовщину по смерти батюшки молитвы о нём и о Вашем сыне слились воедино.

Оптинская пустынь издала книгу о покойном старце; составил её один из Оптинских архимандритов, но, по смирению своему, не пожелал

выставить своего имени⁴⁶. Хоть и хороша она по содержанию своему, но, тем не менее, не может передать и сотой доли всех чудес дивного старца. Поистине, прозорливость его не имела границ.

Я ведь состоял при отце Амвросии письмоводителем, и вот, как-то раз, в первые годы моего послушания, писал я под диктовку батюшки письмо, а самого меня так и искушают помыслы: ну вот мучают, а отогнать не могу. Вдруг чувствую, платочек на меня падает. И помыслы от меня отлетели, как и не бывали. Посмотрел я на батюшку, а он так ласково улыбается и говорит: «Это я бросил, чтобы отогнать врага».

Да и поплакали же мы, когда Господь взял его от нас! Вот в этой книге жизнеописания покойного батюшки есть приложение: «содержание писем к старцу о виденных замечательных сновидениях и их толкования, в ответ обращавшимся лицам». Там же, в этом же приложении, постарайтесь прочитать и то, что Симеон Новый Богослов излагает о снах. Имеется особый вид сонного видения, который он называет «зрением», – его он рассматривает, как величайшую милость от Господа Бога. Эти сонные видения очень редки, и понятны они только воспринявшему все их оттенки и мелочи⁴⁷. Вот и Ваш сон, думается мне, принадлежит к разряду «зрений». Он должен служить Вам и утешением, и назиданием. Одним из отличительных признаков «зрений» служит незабываемость: проходят десятки лет, а сон во всей полноте своей стоит перед глазами, и самая малейшая подробность его выявляется в жизни в целом ряде сцепленных между собой событий.

⁴⁶ Возможно, речь идет об издании: *Краткое сказание о жизни Оптинского старца иеросхимонаха отца Амвросия с приложением избранных его поучений*. Брошюра. Издание Оптиной пустыни. М., 1893. По соборному благословению Оптиных старцев во главе с отцом Иосифом (Литовкиным) на основе этого и других монастырских источников архимандритом Агапитом (Беловидовым) было составлено *Жизнеописание прп. Амвросия*. Этот труд задумывался как наиболее полный материал для грядущей канонизации святого, в которой никто не сомневался, и был издан в 1900 г.

⁴⁷ Речь идет о суждениях *прп. Никиты Стифата*. См.: Смиренного Никиты монаха и пресвитера святейших обителей Стифата Студийского, ученика Симеона Нового Богослова, вторая естественных главизн сотница, о очищении ума. П. 61–63 // *Добротолюбие, или словеса и главизны священного трезвения, собранные от писаний святых и богодухновенных отец, в немже нравственным по деянию, и умозрению любомудрием ум очищается, просвещается и совершен бывает (в четырех частях)*. Переведено с еллиногреческого языка. Часть 4, 1798.

В русском переводе такие сны, «зрения», названы «видениями»: «Видения суть такие сновидения, которые во все время стоят неизменными, не преобразуются из одного в другое и так напечатлеваются в уме, что остаются на многие лета незабвенными: они показывают сбытие будущих вещей, доставляют душе пользу, приводя ее в умиление представлением страшных видов, и видящего их делают самоуглубленным, и притрепетным от неизменного созерцания представляющихся страшных вещей; тщательнейшие ревнители должны считать такие видения драгоценными».

Да умудрит Господь мать Марию поддержать и утешить Вас. Она – хорошая душа, и Господь Сам её Вам послал на утешение. И молиться, и радоваться о Господе можете с нею вместе. От земли к Господу Богу каждый человек поднимается по духовной лестнице. Вы вступили на первую ступень её. Не обрывайтесь, держитесь твёрдо и отвоёвывайте дальнейший ряд ступеней. Пусть пост и молитва будут Вашим оружием. Свято храните и держитесь установлений Церкви.

Тут отец архимандрит перешёл на разговор об общих церковных вопросах и о Патриархе, который, по его разумению и со слов старцев, должен был бы возглавлять Русскую Церковь. Об этом также мечтали многие миряне и надеялись на предстоящий созыв Поместного Собора, потом, между прочим, отменённый⁴⁸. Покойный отец Амвросий, как хорошо помнил и знал это отец архимандрит, очень сокрушался о загробной участи того, кто нарушил патриаршество в России.

Побеседовав ещё немного со мною о семье моей, отец архимандрит меня благословил образом и дал две просфоры: одну для мамá, а другую для мужа... В утомлённом состоянии я вернулась в Рукавишниково.

ПУСТОТА

Я вошла в детскую сыновей. Бородинкина кроватка без подушки, прикрытая белым покрывалом, стояла холодная, точно в саване. До этих пор не могу забыть моего тогдашнего ощущения, и воспоминание об этой пустой кроватке палит трепещущее сердце. Все вещи его: платье, бельё, найденный маленький дневничок, любимые его сказки, фотографический аппарат, тетради, и даже маленький хомут, приобретённый им для пони, его детской мечты, лежавший раньше аккуратно свёрнутым под кроватью – всё это было уложено в особый сундук. Когда я приехала, ничего больше не лежало на виду.

Какая страшная пустота без него!..

В Рукавишниковской церкви шёл сорокоуст. Наступил и девятый день. Я старалась молиться, как заповедал мне старец. Но общее состояние протестующей души моей было в то время таково, что меня терзали голоса то одного, то другого мучителя, и молитва не шла на ум. Первый голос твердил, не переставая: «Ты простудила сына, ты сказала ему мыться в холодной воде, ты не надела ему фуфайку, ты не заставила выпить чего-

⁴⁸ Весной 1905 г. Св. Синод единогласно высказался за восстановление патриаршества и за созыв в Москве Всероссийского Церковного Собора для выбора Патриарха. В декабре Государь Император Николай II издал рескрипт о создании Предсоборного совещания для подготовки созыва Собора (*Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. Т. 1. Белград: О-во распространения рус. нац. и патриот. лит., 1939. Гл. 11*). Совещание выполнило чрезвычайно важную и ценную работу, потребовавшую много времени и труда, но вспыхнувшая Мировая война помешала созыву Собора в царствование Императора Николая II.

нибудь горячего, ты выпустила гулять слишком рано, ты дала слово и не исполнила его, ты не посмотрела, что ворот полушубка не высок, ты не сказала ему одеть башлык, ты не позаботилась о его мокрых ногах, ты виновата в его болезни, ты виновата, ты виновата...».

Второй голос твердил вторую вариацию: «Ты не поняла важности болезни, ты опоздала послать за доктором, ты не послала за лучшим, ты ошиблась в выборе доктора, ты убийца, ты убийца, ты убийца!..» Голоса эти мучили меня неистово, и я не имела ни минуты покоя. Каменный сон начал пропадать, а с этим ухудшилось моё состояние. В особенности тяжело было присутствие мужа. Мне так было жаль его: я видела и глубоко сознавала, и понимала его благородную борьбу с личным горем...

Я чувствовала, что душа моя стала положительно разбитым инструментом и можно ли починить его, я не знала... а когда мне было очень тяжело, бежала к мама и выливала ей весь запас больной накипи. Я видела, как это бесконечно огорчало её, но не в состоянии была удержать своего порыва в минуту томящей тоски и жгучих терзаний. Мама не дано было, в данном случае, уметь утешить меня, или, хоть временно, освежить мои палящие раны. Ведь во сне было мне указано, кому это было дано свыше; я это знала наперёд, но, в исступлении, поступала обратно тому, что приказывали и сердце, и разум.

– Успокойся, Наташа, что с тобою. Ты несправедлива, ты требуешь от старца сверхъестественных вещей, а старец такой же человек, как и ты. Только он посвятил себя молитве, а ты семье. Сон же есть следствие наших впечатлений, воспринятых в течение дня, и сон есть только сон. Ты сама себя возьми в руки и помни, что, прежде всего, надо исполнять свои обязанности, а ты забросила детей и только думаешь о себе, когда надо думать о других. В попечении о детях ты найдёшь покой.

– Ах, мама, мама, нельзя разбитой чашке приказывать поить людей.

– Что ты говоришь, Наташа? Ведь всё моё счастье в тебе! Если ты так несчастна, на что и мне жить?

Тут я окончательно выбивалась из сил...

НАПРАСНО?

Как-то, приблизительно пред двадцатым днём сорокоуста, постучалась ко мне утром судомойка Дуня.

– Что ты, милая, не случилось ли чего?

– Как же, Ваше сиятельство, вот что я хотела тебе сказать – видела я плохо во сне Бориса Константиновича: лежит это он в кровати весь в белом, да весь мокрый. «Что это, – говорю, – ты, Борис Константинович, мокрый лежишь?» – «Да роса на меня нападала», – говорит. А роса – это наши слёзки. Грех, матушка, так отрока слезами обливать...

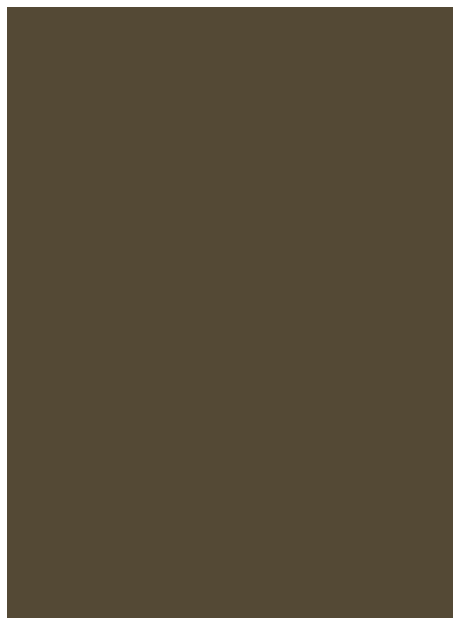
У нас в деревне за большой грех почитают – убиваться так по ребёнку. Уж нам там не быть, где он будет. Поплакали и хватит. На всё воля Божья!

Даже от этих слов неграмотной, простоватой Дуни, у меня посветлело на душе, правда, на мгновение, но зато и большее не стало, как от мирских рассуждений...

– Напрасно я ездила в Боровск к архимандриту Бенедикту, – говорила я Маше, – он мне не старец – не умел он меня утешить; и не прозорлив он совсем, ничего я во сне не вижу.

– Вы совсем не знаете, как нужно относиться к старцам... Их не так легко понять, как вы думаете... Старцы по смирению своему скрывают свою прозорливость; и подаётся она им, поскольку она нужна нам. *По вере вашей – дастся вам*⁴⁹... Поверьте, что Господь Всевидящий и Всеведущий, сном предупредивший, какими двойными мучениями искушитель будет мучить Вас, положил и на сердце праведного архимандрита, как утешить Вас...

ГОРЬКИЕ ПРАЗДНИКИ

Фрейлина, княгиня Людмила Григорьевна Лобанова-Ростовская, двоюродная сестра Ивана Николаевича Лобанова-Ростовского, в народном костюме

Наступили праздники... Когда мне пришлось надеть белое платье и выйти к ожидающим детям – я изнемогла. Боже, поддержи меня! Из своей комнаты я не пошла сразу в гостиную, где стояла ёлка, а вышла на верхнюю площадку и долго стояла под дверью, чтобы прийти в себя и высушить глаза. Слышу шаги Семёна Лучка: «Ваше сиятельство, крепитесь, не огорчайте его. Как тяжело ему оттуда смотреть, что даже в такой праздник Вы беспокойны».

Я взяла себя в руки и решительно вошла в гостиную... Мне до сих пор тяжело вспомнить настроение этой первой ёлки без него! Даже для детей она была менее весела, чем обыкновенно раньше... Праздники, как и яркие солнечные дни, оскорбляли и ухудшали моё, и без того тягостное, настроение. Эти дни были днями особенной скорби... Перед глазами проходили картины прошлого Рождества в Петербурге. На ёлку, чудное огромное дерево до потолка, украшенное нами в закрытой на ключ от детей зале, собралось много приглашённых. Заиграла музыка, двери открыли и ввели детей. Сколько радости и восторга! Вечер закончился появлением фокусника. Из рядов сидящих детей он выбрал себе в помощь Борю. Как деловито, просто и

⁴⁹ Мф. 9, 29.

ловко держал он себя и как сразу покори́л сердца всех присутствующих родителей... Наконец, праздники прошли...

Одна

И вот, я осталась в Рукавишниково на долгое время, так сказать, одна, и могла безо всякой помехи заняться тем, что было мне теперь единственно по душе – молитвою и чтением. Я не могла не думать о себе: мать есть душа дома. Душа пуста, пуст и дом. Я вполне понимала, что Костя не мог оставаться в деревне, когда моё состояние настолько его удручало, что он сам мог обессилеть в личной борьбе со своим горем. Ведь Костя, как раньше шутила над этим Дашенька: «зжимал в дверях зверя», душил и убивал терзавшую его скорбь, покоряясь воле Божьей; а будучи свидетелем моих терзаний, он и сам мог изнемо́чь в своей борьбе.

Чем сильнее была моя решимость бороться и исполнять то, что заповедал мне старец, тем сильнее мучил меня враг. Дошло дело до того, что я стала молить Бога о смерти. А как же дети? В своём исступлении я стала молить Бога и об их кончине. Я, кажется, дошла до последних пределов горя. Я молила Бога взять к себе меня и всю мою семью. Я придумывала, что могло бы сразу перенести всех нас в иной мир?..

Несмотря на всё, со мною происходившее, я продолжала заниматься чтением... Каждый день я читала Библию, и вот однажды нашла место в книге Премудрости Соломоновой, гл.4, ст.7-15, о причинах преждевременного отхода юных душ. Так вот почему Господь берёт в молодых годах избранных своих и удаляет их от нашего мира! Дивные вдохновенные строки утешали меня на мгновение, а затем все впечатления уплывали, и опять я подпадала под власть своего мучителя.

...вот уже пять месяцев, как я молю утром и вечером Господа хоть на мгновение показать мне во сне Борю, чтобы узнать о судьбе его, а всё ничего нет и нет. Скоро шестнадцатое марта, день его рождения, солнце уже блестит и греет, а у меня всё ужаснее и ужаснее на душе.

– И Вы, Ваше Сиятельство, всё настойчивее и настойчивее молитесь по слову старца. Господь не посылает испытания сверх того, что можно вынести⁵⁰. С неба же всё *берётся силою. Царствие Божие нудится*⁵¹. Потом сами увидите: у Вас будет не радость, а ликование!..

Враг продолжал терзать меня до исступления. Я всё время, так сказать, ходила пред Батюшкою Преподобным Серафимом: «– да вымолит он у господа мне подарок с неба к этому дню, да снимет с меня всю тяжесть искушения – ведь я падаю и изнемогаю. Если Богу угодно взять меня, то да

⁵⁰ См.: 1 Кор. 10, 13.

⁵¹ Ср.: Мф. 11, 12.

возьмёт Он меня поскорее, – если же нет, то да подаст мне силы жить и благословлять Его...»

ПРЕДУТРЕННИЙ СОН: СЫН

Ночь я спала сплошь до утра... Часы показывают семь. Боже, хоть бы ещё заснуть, хоть бы ещё утром увидеть Боря.

– Драгоценный Батюшка, надежда моя, поддержи меня, подай мне, по вере моей, о чём прошу тебя...

Я начала цепенеть, продолжая, однако, всё воспринимать и сознавать. Вдруг, справа от моей кровати, подходит ко мне Боря, одетый в тот матросский костюм, в котором его хоронили. Он прилёг и положил голову на моё правое плечо, а правой ручкою обнял меня так крепко, что я почувствовала от этого прикосновения давление на левом плече. Я подумала: «Ведь ему должно быть, холодно», и прикрыла его ноги концом моего одеяла. И ещё пришло в голову: «Не изменились ли у него глаза, не стали ли светлыми, как пред смертью?» Тогда он, приподняв с моего плеча чуть-чуть голову, посмотрел на меня, обдав таким дивным, таким лучезарным взглядом своих тёмных глаз. А ручка его всё продолжала обнимать и сжимать меня. Не могу передать своего счастья! И подумалось мне – хоть бы всё спросить, пока он не ушёл. Это он по просьбе Батюшки ко мне пришёл. Вот и начала я задавать свои вопросы, но с большою нервностью, желая успеть всё спросить, ничего не забыв:

– Хорошо ли тебе?

– Очень хорошо, – последовал тихий, степенный ответ.

– В раю ли ты?

– Да, я в раю!

– С ангелами ли ты?

– Да, я с ангелами!

– Видел ли ты Бога?

Тут мгновенно мозг мой пронизала мысль: это самовнушение, он отвечает теми же словами. Вдруг слышу на мой вопрос, заданный в прошедшем времени, ответ:

– Я вижу Бога!

Нет слов передать звук этого голоса. Он выражал и безбрежную любовь, и безграничное поклонение, и восторг, и умиление. После паузы, точно подбирая выражения, Боря продолжал:

– Я вижу свет! – и ещё через мгновение, явно подбирая выражение для пояснения своих слов, он прибавил, – Это тонкое ощущение.

Восторг наполнил мою душу. Но надо торопиться, он сейчас уйдёт, он уже долго со мною находится. Что, напоследок, спросить? Вот и Лена кончает мыться. Да, вспомнила:

– Тебе было больно умирать?

– Мне было неприятно, – последовал его ответ и он исчез.

Я открыла глаза. Это он был, он! Он жив! Я чувствую его руку до сих пор...

Борина ручка продолжала обнимать меня, а дивный проникновенный голос всё повторял: «Я вижу Бога».

– Как вы себя чувствуете, Ваше сиятельство?

– Отлично! Мне кажется, что я вышла на свободу из ужасной тюрьмы!.. Ведь смерть есть величайшее событие в жизни человека, и люди давно бы погибли, если бы опирались только на свою догадливость и знание.

«ВМЕСТО ОСТРОГО ЖАЛА...»

Этот день был поминальным по Боре, и мы пошли к обедне... Когда я слышала слова поминовения: «об упокоении отрока Бориса» – вместо острого жала, которое впивалось раньше в сердце, теперь сердце наполнялось радостью и счастьем. Я ощущала, что мой возлюбленный сын уехал в путешествие в дальнюю чудную страну. Да, пока я живу, я не увижу его на земле; радости этой не будет у меня. Но и бояться за него больше не стану. Он уже доехал до места назначения и находится в верной надёжной пристани, а нам всем предстоит длинное и долгое путешествие...

Как назвать то, что я видела и слышала? Это не сон; ведь я сохранила и полное сознание и все слуховые способности, но, вместе с тем, глаза мои были всё время закрыты, и я находилась в состоянии какого-то оцепенения.

– Это то, что в монастырях называют: «тонкий сон», во время которого можно получить видения, – называемый Симеоном Новым Богословом: «зрение». А как вы должны молиться за отца архимандрита Бенедикта: ведь Господь вас утешил по его старческому слову. Теперь вы поняли, что значит старец?..

Воистину, там, где начинается бесконечное, – законы конечного более неприменимы.

И знала я, что вся эта неземная пища дана мне и всем, кто будет окружать меня и встречаться на моём пути, про запас, пред годами голода, когда будем питаться роскошью этого пира, вновь переживая его только в воспоминаниях.

ОТЗЫВЫ

Сергей Кириллов:

Какая красота!!!!!! Как ювелирно точно описана моя родная деревня в ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ части её истории!!! Важнейший для любого грамотного и думающего читателя материал! Материал, помогающий осознанию своей причастности к терминам «русский», «Россия» и всему,

что с этим связано! С историей государства российского в первую очередь! Очень выигрышно выглядит вступление рецензента! Просто затаскивает в текст!!!

О кн. Лобановой -Ростовской «Дорогие матери и отцы...» – так начинается один из верхних абзацев. И далее потрясающая по воздействию на сознание и в то же время простейшая истина, выраженная в словах автора. Не буду её цитировать целиком – Вы легко сможете глянуть и в оригинал. Так вот: ТОЛЬКО из-за одной этой истины ЭТОТ материал должен бы ОТКРЫВАТЬ любой номер ЛЮБОГО журнала!!! И никакой изощрённой вычурности иных авторов рядом!!! Чтобы выделить! Чтобы выпучить эту ВЫСТРАДАННУЮ человеческим сердцем истину – МЫ ВСЕ ЕДИНЫ В СВОИХ ЖЕЛАНИЯХ И СТРЕМЛЕНИЯХ, МЫ ВСЕ ПОД БОГОМ ХОДИМ!!!! А коль так – чего ж ругаться-то? Чего ж травить-то нам друг друга?! Чего ж нападки-то совершать?! ГРЕХ ведь это всё великий!!! И расплата за него грядёт ВСЕНЕПРЕМЕННО!!! Вот чего убили в народе большевики сто лет назад, разрушив ДЕРЖАВНЫЙ фундамент – Христову веру! Вот откуда произрастают все беды и напасти наши – суть возмездие за совершённый грех! И хоть не все мы в этом виноваты одинаково, хоть и не в силах были (и есть!!) хоть что-то изменить, но мы МОЛЧАЛИ!!! Кто из боязни, кто от бессилия, но МОЛЧАЛИ!!! И тем самым потворствовали греховодникам и потакали же им! Теперь платим за всё это. Платим сполна! Уж хорошо, хоть не воюем, как в кровопролитную... Хорошо хоть, что стоит ещё держава по имени Россия. Хоть и потерявшая во многом своё величие – вон, даже какие-то "МОКовские чинуши в дерьмо мордой нас прилюдно тычут, ни за что не опасаясь! – но стоит! И Владыка ждёт... Терпеливо ждёт: когда же? Когда же, наконец, народ на этой части Земли образумится и начнёт жить ПО ПРАВДЕ?! По непреложной истине, зафиксированной в выше упомянутом абзаце! Жить под лозунгом: «И узнаешь его по делам его!», а не по властной брехне, сплошь и рядом лживой и бессовестной. А тут такой «...чистейшей прелести чистейший образец»!.. (?)

И вдруг под «занавес» журнала редкое по своей знаковой сущности явление материала из кровотока сердца революционной России – это «Княгиня В. Д. Лобанова-Ростовская. О российской трагедии XX века. До и после 1917 года: Воспоминания матери (1903-1935). «Из Белого стана» Вступление профессора Екатерины Фёдоровой. Комментарии Л.Г. Умновой и Е.С. Федоровой». Перед этим материалом, приступая к чтению, впору мысленно снять шляпу. Публикация, которая фактически делает этот номер «Берегов» уникальным явлением в области нашего знания об ушедшей, навсегда утраченной России...